

Арсений Ващенко

Бом Булинат. Индийские дневники

«Паулсен»

2008

Ващенко А. Ю.

Бом Булинат. Индийские дневники / А. Ю. Ващенко —
«Паулсен», 2008

ISBN 978-5-98797-017-1

«К середине «нулевых» у нас, наконец, созрело собственное «поколение X», герои которого, подобно персонажам культового коуплендовского романа, престижным радостям мегаполиса предпочитают свободу, дорогу и хорошую историю. Конечно, Индия – тема модная и почти беспроектная. Но «Бом Булинат» написан не для кучки пижонов, зараженных синдромом Гоа, для которых Индия стала более «продвинутой» альтернативой лыжному курорту. В книге много ироничных и точных описаний местной специфики, но эта история не только об отдельном путешествии, которое всегда предполагает точку возврата. Ее герои как раз озабочены темой «невозвращения» – к самим себе, привычным и прежним. За каждым персонажем здесь стоит и ухмыляется конкретный живой человек, с характерной манерой речи, вредными привычками и трогательными слабостями. Авторам удалось не растерять эту непосредственную интонацию и протащить ее через всю книгу, а это дорогого стоит». Наталия Бабинцева («Время новостей»)

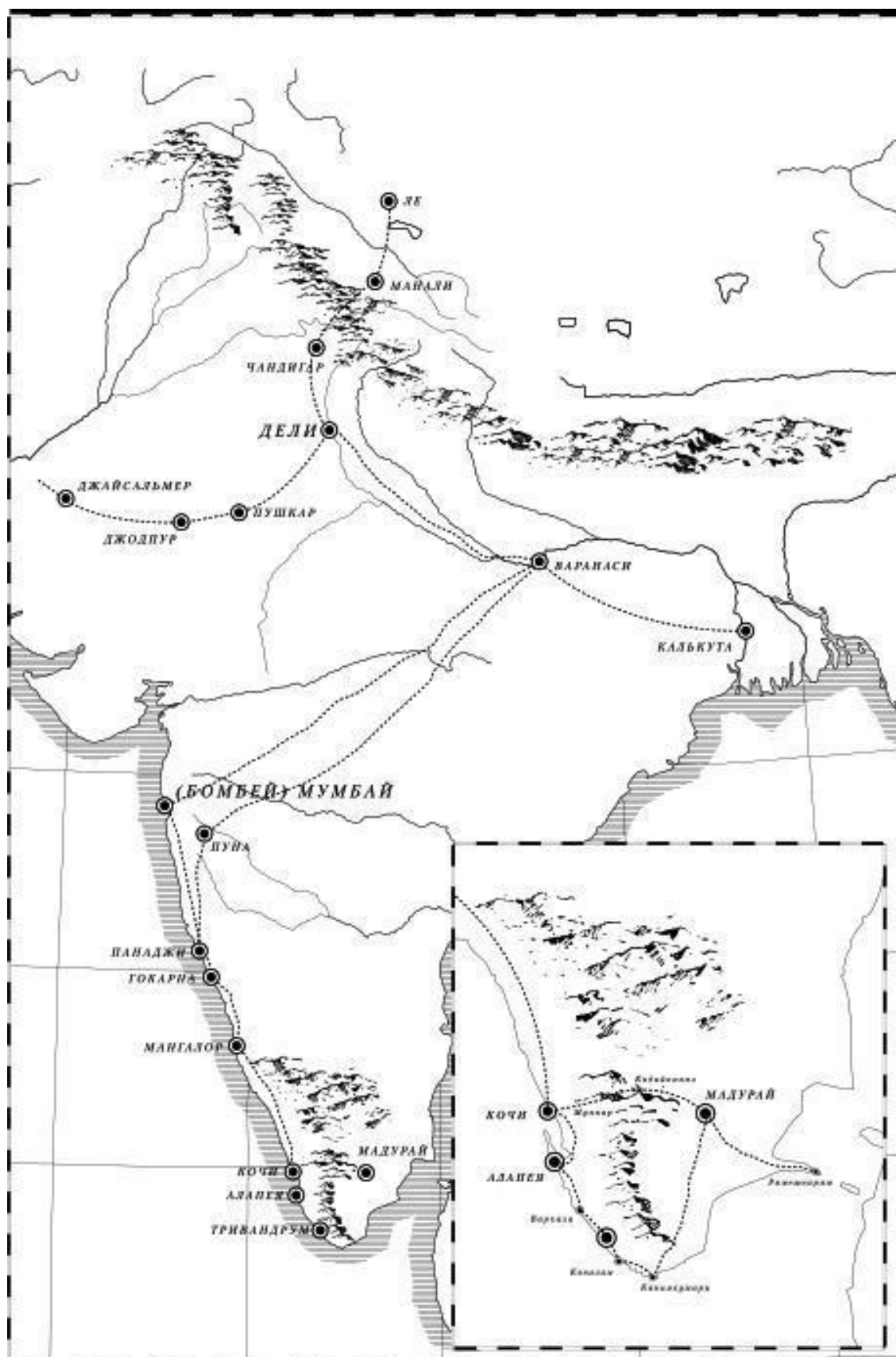
ISBN 978-5-98797-017-1

© Ващенко А. Ю., 2008

© Паулсен, 2008

Содержание

Пролог	7
Варанаси	14
Гоа	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Арсений Ващенко, Александр Кашкаров
Бом Булинат. Индийские дневники

© Издательство «Европейские издания», 2008

© Текст: А.Ю. Ващенко, А.В. Кашкаров

© Фото: А.Ю. Ващенко, А.В. Кашкаров

Пролог

*«Нет счастья человеку, который не странствует.
Живя в обществе людей, даже лучший человек становится
грешником. Итак, странствуй!»
Айтарея Брахмана*

Мы сидели на диване клуба «Дача», когда это заведение еще было клубом, и, чтобы попасть туда, надо было придумать пару хороших знакомых и иметь визитную карточку. Совсем недавно кончились новогодние праздники, и все страдали похмельем. Мы – это Кашкет, Арсений и Митяй.

Митяй – наш приятель с копной спутанных волос на голове. Три года назад он заработал прозвище «Бомж», за очень длительное и трепетное ухаживание за своей будущей женой, когда дневал и ночевал возле ее подъезда.

Кашкет – роста среднего, предпочитает короткую стрижку и частенько отпускает бороду, становясь похожим на араба-террориста, как только борода становится длиннее волос на голове. В лице его и впрямь есть нечто восточное, большие глаза и губы выдают в нем добрый нрав. Спокойный, невозмутимый характер, крепкое телосложение, открытый взгляд и уверенная манера говорить сразу располагают к доверию.

Во времена нашей юности Кашкету доверяли все родители. Если я шел гулять в компании Кашкета, мама никогда не волновалась. На любую юношескую авантюру родители смотрели благосклонно только в том случае, если не обходилось без участия Кашкета.

Его рассудительная манера говорить вызывает в слушателе желание верить всему сказанному, а интонация не оставляет сомнений в том, что Кашкет безоговорочно прав. Самомнения и уверенности в себе ему не занимать. Пользуясь этим, Кашкет может порой сморозить какую-нибудь нелепость с видом знатока, и все доверчиво кивают головами, загипнотизированные логической последовательностью повествования. Нередко в такие моменты я тоже делаю вид, что соглашаюсь, так как если уличить Кашкета во лжи, то разгорится неминуемый спор. Кашкет всегда прав, и его правда не подлежит сомнению. В древней Греции он был бы состоятельным гражданином, упражняясь в софистике и риторике.

Великими его достоинствами являются добрый нрав, спокойствие и умение хранить молчание, когда это особенно кстати. Не помню ни одного случая, чтобы я с ним поссорился, мы всегда находим компромисс, в чем, впрочем, есть и моя заслуга. Небывалая уверенность в себе и своих силах прочно держит его на ногах. Он никогда не поддается панике, волнению, суете и речеобилию.

Подобно мудрецу, Кашкет на все взирает со спокойствием и улыбкой. Это распространяется и на чувства. Кашкета не увидишь замеревшим перед небывалым пейзажем или бурно реагирующим на чудеса природы. Какой бы силы ни была радость – она никогда не выливается через край, а тихо булькает на дне его души. Единственное, что заставляет вскипать его кровь – это алкоголь и женщины в одном флаконе. Такая «бесчувственность» моего друга отражается и на его отношении к здоровью. Кашкет никогда не болеет, а если уж заболевает, то не признается в этом даже самому себе. Ну, а коли уж случается подняться температуре, он отвергает любые лекарства и просит купить побольше сигарет и бутылку рома.

Еще в школьные времена Кашкета привлек образ Брюса Виллиса и, стараясь во всем походить на своего героя, он некоторое время успешно воплощал его в жизнь. Минимум удобств, трехдневная щетина, волевой, сосредоточенный взгляд, синдром похмелья, пачка «Lucky strike» в кармане и сигарета натошак стали правилами, а вскоре утвердились в при-

вычку. Кое-что навсегда впиталось в его характер и уже не принадлежало одному Брюсу, а стало неотъемлемой частью моего друга.

Кашкет без сигареты – все равно, что пляж без моря! Дома Кашкет чаще всего возлежит, согнув одну ногу, на своем спартанском диванчике с книгой в руках и сигаретой в зубах. На тумбочке у изголовья – несколько пустых пачек, пепельница, зажигалка, стопка самых разнообразных книг и мобильный телефон с оглушительным звонком, напоминающим трель дискового аппарата.

– Сигареты купил?

– Держи.

– Привет!

– Салют!

С этого начинаются почти все наши встречи, или:

– Привет!

– Салют! Послушай...

– Сейчас погоди, сигареты возьму, – говорит Кашкет, направляясь к вешалке.

Кашкет – надежный человек, на него всегда можно рассчитывать. Но на что я, бывает, злюсь, так это на его вселенскую лень, может, отчасти потому, что тут мы похожи, и нередко вступаем прямо-таки в состязание, кто кого перелентяйничает. Кашкет по большей части побеждает.

Мой друг может провести несколько дней прикованным к кровати с книгой в руке и в блаженной дреме, без еды и воды, но не без сигарет. Однажды в деревне Кашкет пролежал неделю, пока не прочел все что имелось от корки до корки и не выкурил все до тла. После этого он как ни в чем не бывало вскочил с постели и пешком отправился в магазин за пять километров купить сигарет.

Правда, надо отдать ему должное – уж если он поднялся и взялся за дело, то доводит все до конца.

Кашкет наделен тонким чувством юмора, самообладанием и он всеяден – в общем, всем тем, что нужно для хорошего друга и прекрасного попутчика.

Арсений. Не так просто двумя словами описать Арсения – и его внешность, и характер заставляют задуматься. Мне он чем-то напоминает Артюра Рембо, после того, как тот вернулся из Африки. Со светлыми редкими волосами, греческим профилем, он бы неплохо смотрелся в напудренном парике с длинными локонами в эпоху Людовика XIV. Ему также подошел бы Париж начала прошлого века, Арсений жил бы на бульваре Монпарнас, сидел бы в кафе, попивая абсент, закутанный в длинный шарф ядовитого цвета. Есть еще в нем «барчуковость» – эдакая врожденная ленивость избалованного молодца.

Для такого человека жизнь в нынешней Москве невозможна. Но этого не видно с первого взгляда – с друзьями, в больших компаниях и обычных пьянках он весел, говорлив, и может искренне и увлеченно болтать о всякой ерунде, заболтать какую-нибудь барышню, увести ее в злачный клуб, натрескаться там чем ни попадя, а на утро мучиться совестью и испытывать нечто вроде душевного похмелья, и позже, целую неделю также искренне раскаиваться в содеянном.

Арсений пессимист, романтик и идеалист, он во всем ищет подвох и обычно его находит. У него доброе сердце, душа не знает покоя, а вот мозг ему, судя по постоянным мигреням, просто ни к чему.

Арсений очень трепетно относится к своему здоровью. Утро его невозможно представить без геркулесовой каши или перепелиных яиц, еще он делает зарядку по утрам и прочие упражнения для повышения тонуса, правда, обычно это каким-то невероятным образом соче-

тается с алкогольными возлияниями на традиционных пятничных, субботних и воскресных вечеринках.

– Как ты можешь это есть, Кашкет?! – возмущенно восклицает Арсений, указывая на жареную курицу. – Это же сплошной холестерин и канцерогены!

– Некоторым это полезно!

– Побереги свое здоровье! И сходи на обследование!

Прием у врача – это единственное исключение, когда мой друг не опаздывает. Во всех остальных случаях он умудряется опаздывать минут на двадцать, тридцать, делая вид, что сам не понимает, как такое могло случиться, хотя на самом деле причины банальны – не успел доест геркулес с йогуртом.

– Ты когда-нибудь и на свои похороны опоздаешь!

– Типун тебе на язык! Да, позвонили с работы, потом надо было к сестре забежать, ну а там... сам же знаешь – Москва! – трагически произносит Арсений. Это типичная отговорка.

Одно я знаю наверняка – он хороший друг, который всегда опаздывает.

* * *

На нашем месте мог бы быть кто угодно – обычные люди двадцати пяти лет отроду, имеющие работу, досуг, депрессии, не знающие, что делать в ближайшем будущем, ищущие относительную свободу там, где обычно находят лишь заблуждения, страдающие «от нечего делать», жаждущие того, чего сами не ведают. Но сидели на удобном диване именно мы...

– Эх, скучно! Надоело все – чесать «бобиком» в офис, ждать выходных и ходить по клубам, мучиться похмельем по воскресеньям, и все это с календарной точностью! – провозгласил Арсений.

– Я себе специально работу выбирал, чтоб каждую неделю в командировки – самолет, поезд, проводник – куда-нибудь в чужой город... – меланхолично поддержал Кашкет. – И хоть бы что! Так же скучно.

– Чего мучиться? – воскликнул Митяй. – Езжайте куда-нибудь подальше, да на подольше!

– Ну да, и все бросить? – засомневался Арсений. – И где денег набрать?

– Перемещение не поможет – проверено! – убежденно сказал Кашкет. – Надо себя менять, а себя не бросишь!

Митяй хитро прищурился, философски подпер свою косматую голову рукой и назидательным тоном произнес:

– Прописная истина, старик, но путешествие обновляет и позволяет оторваться от поглотившей тебя обыденности, и взглянуть на все по-новому, в том числе и на себя самого.

Официантка принесла текилы, поставила каждому по рюмке и удалилась обслуживать двух англичан, которые все это время сражались в бильярд за нашими спинами и громко обзывали друг друга нецензурными английскими выражениями. Арсений проводил взглядом официантку, взглянул на бильярдистов, которые замолчали, припав к пивным кружкам, и сказал:

– Вот, паразиты, им хоть бы что – уважаю англикосов! Нигде не пропадут. – Арсений снова повернул голову в сторону официантки. – А кроме денег... Где там женщин искать?

– Найдете где-нибудь.

– И где ж это «где-нибудь», Митяй? – поинтересовался Кашкет.

– Да, Бомж, ты ж все знаешь, сам себе жену тут нашел, а нас куда-то «туда» – вот и объясняй!

– Ну, говорят, на Кубе за бутылку колы можно такую мулатку найти, что... – Митяй, не договорил, вздохнул и теперь задумался сам. – В общем, есть места.

– Слышала б тебя жена, Митяй, ты б другие места нам рекомендовал, – резюмировал Кашкет. – Чего болтать, все равно никуда не свалим, будем сидеть вот так, пить и разглагольствовать, пока сорок не стукнет.

К нам снова подошла официантка, окинула любезным, усталым взглядом, спросила, что нам угодно, Арсений почему-то заказал три порции рома.

– Нет, Кашкет, нельзя так больше! Поехали на Ямайку или в Индию!

– Мне лично надоели сотовый телефон, менты, снегоуборочные машины и дети возле цирка на Цветном бульваре, которых фотографируют дерганые родственники – я уже, наверное, засветился на тысяче фотографий с детьми разных лет, с надувными шариками и без... Так вот, если этого всего не будет – я готов!

– Чего это в Индию? – удивился Митяй. – Почему не на Кубу? Я ж говорю, там за колу... Арсений не дал договорить Митяю.

– Недавно к моим родителям приезжала их подруга из Италии, рассказывала, что купила домик в каком-то городишке в Индии, нас звала... Говорит, что подобного нигде не найдешь.

– Ага, хороший выбор! Прекрасный! – вскипятился Митяй. – Там же тотальная жесьть!

– Жесьть тут! – сказал Кашкет и пристально посмотрел на Митяя. – Там, может, и индийская жесьть, но московской я сыт по горло.

– Ну ладно, – согласился Митяй и повернулся к Арсению. – Слушай, братец, а что за домик? В каком городе? С прислугой, уроками камасутры? Все что угодно, лишь бы не к кришнаитам!

– Я знаю не больше твоего, но Карла сказала, что райское местечко!

– Ага, райское! В Индии таких нет!

– Итальянцам я доверяю, Митяй, у них тонкое чувство прекрасного!

– Да там же миллиард индусов! – не унимался Митяй.

– Не индусы, а индийцы! Индус – это приверженец религии, а если говорить о национальности – то индиец! – сказал Кашкет.

– По сути Кашкет прав, но мне все же больше нравится «индусы» – так звучнее! И плевать, сколько их там, главное – уехать!

– Ну, если это случится – я разведусь!

Мы поспорили на митяевский бракоразводный процесс, скрепив спор выпитым ромом.

* * *

Как только я принял твердое решение отправиться куда подальше из Москвы, я испытал облегчение, будто уже отправился в путь, хотя все еще продолжал сидеть в офисе и выполнять работу, которая мне осточертела.

Я предвкушал, что скоро все вокруг меня изменится, станет новым и прекрасным. Чувство опасности только усиливало все остальные. Я знал, что путешествие взбудоражит кровь, встряхнет мозги и чувства, и всего меня.

Я не думал о своей жизни после возвращения, так далеко вперед я не заглядывал, мне просто все надоело в Москве, прежде всего размеренный график жизни по календарю от выходных до выходных, от зарплаты до зарплаты. Дни мелькали, как минуты, а недели как часы, чувство ограниченной свободы просыпалось в субботу, а к вечеру следующего дня виновато удалялось. Будни представлялись обыденно серыми и таяли, не задерживаясь в памяти. Время несло неумолимо вперед, и я уже представлял себя в летах, с пузом и лысиной, лениво плетущимся на работу или в бар, скучным мещанином, не допускающим даже мысли о чем-то необычном. Будучи молодым и полным сил, я не хотел соглашаться с тем, что жизнь, которую я вел в данный момент, можно вообще назвать жизнью. Мне хотелось движения, чувств, эмо-

ций, приключений – настоящей жизни, черт побери! Может быть, я и не был к этому готов, но что-то так и толкало меня вперед.

Больше всего на свете мне хотелось, ни с кем не считаясь, послать все к черту и хоть раз сделать так, как хочется только мне.

Почему бы и нет, подумал я и объявил боссу, что увольняюсь. Босс решил, что меня что-то не устраивает, но когда услышал, что я собираюсь в Индию и надолго, только и сказал: «Мы силой никого не держим».

Оставшееся до отъезда время я пребывал в состоянии сладостного предвкушения. Я вдруг взглянул на всю обыденность по-новому, многое меня перестало раздражать. Я мечтал быть то Робинзом на безлюдном острове в тени кокосовых пальм, то колонизатором в пробковом шлеме, смакующим стаканчик джина в тени баньяна. Мне было плевать на карьеру и на все блага городской жизни.

Я не представлял, что буду там делать и, честно говоря, ничего не планировал, мой мозг требовал отдыха, душа – пищи, а я искал ответа на вопрос, которого сам не знал. Хотелось сменить обстановку, глотнуть свободы, и с головой окунуться в неизвестность. И все равно Индия или что-либо другое. И еще хотелось настоящей экзотики.

Мне хотелось стряхнуть с себя гнет городских предрассудков. Я чувствовал, что надо уехать, и уехать надолго!

* * *

Не знаю, что побуждает человека путешествовать в наше время, явно не жажда приключений. Покинуть свой уютный дом, отказаться от работы, большой зарплаты, женщин и телевизора ради длительного и сомнительного путешествия по такой стране, как Индия, многим покажется довольно неразумным поступком и, более того, решением идиотским, не сулящим ничего хорошего.

Перед отъездом, в то время, когда мне еще надо было сидеть на своем рабочем месте и сдавать дела новоиспеченному сотруднику, я получал по электронной почте письма от Арсения. Все его письма были исключительно о том, какие разновидности вредоносных бактерий существуют в Азии, сколько видов ядовитых пресмыкающихся обитает в Индии, и как отличить обычную диарею от дизентерии или тифа.

Альберт Камю как-то заметил, что в Индии умирают либо безумными, либо счастливыми. Я совершенно не собирался там умирать. Однако все наши сборы отчасти напоминали похороны, и иногда мне казалось, что обратно нам не вернуться.

Когда сборы стали походить на поминки, я подумал, что если уж нам и суждено помереть в Индии, то Арсений покинет этот мир безумным и вряд ли счастливым.

Я как-то уж больно просто решился на эту затею. Семь лет назад также запросто мы купили дом в деревне на последние деньги. Но приготовления к любой поездке отвлекают, а предвкушение дороги, ожидание чего-то неизведанного действуют, как хорошая порция текилы. Например, методично обсуждая противопоказания «Делагила», Арсений ни с того ни с сего принимался мечтать вслух о будущих днях где-нибудь в Варанаси, где воображал себя исключительно в роли колонизатора. Дальше его воображение рисовало другие, но всегда соблазнительные и экзотические картины. Так он фантазировал до самого отъезда, ни разу не усомнившись в том, что все может выйти совершенно иначе. Но я его не расстраивал, потому что и сам имел весьма смутное представление о ближайшем будущем, и это ощущение не прошло даже тогда, когда мне, наконец, вручили паспорта с визами и билеты.

В детстве я имел несчастье посмотреть фильм «Танцор диско». Я на всю жизнь запомнил, как главный герой, Митхун Чакраборти, дерется с дюжиной усатых негодяев, подкидывая

высоко вверх катушечный магнитофон и раздавая оплеухи, больше похожие на смачные пощечины. Звуки ударов походили на хлопки в ладоши. В конце эпизода Митхун избил всех негодяев под собственные аплодисменты. Неизгладимое впечатление! Примерно такими же были мои представления об Индии. Когда я задавался вопросом «что там будет?» – передо мной вырастал танцор диско с магнитофоном под мышкой. Нет, я, конечно, знал что-то об Индии, и довольно много, но это ровным счетом ничего не давало, и поэтому я просто не имел права разоблачать иллюзии моего друга.

В какой-то момент Арсений решил, что он все-таки художник, и мы поехали за холстами и красками. По дороге он без умолку говорил о том, как это здорово – вырваться на свободу, в неизвестность, а главное, творить, когда у тебя в распоряжении куча свободного времени, целый дом и пара слуг с опахалами.... Сам я мало фантазировал на этот счет, постоянно натываясь на уса́тых негодяев и аплодисменты. Я вполне понимал, от чего уезжаю...

Не могу сказать с точностью, когда во мне зародилось это чувство – чувство раздражения и гадливости.

На работе утром я никогда не работал – читал книги. Однажды на обложке книги, которую я взял с собой, было написано «читать модно». И я, признаюсь, злорадно ухмыльнулся: кого модно читать? Всех подряд? Гоголя, Толстого? Гете, Данте? Маринину, Шопенгауэра? Кого? Непонятно. Какой кретин мог это выдумать!? Окончательно меня добил канун праздника – День города! Более невыносимого праздника в календаре нельзя вообразить! Утешением служит лишь то, что он в сентябре и всегда можно уехать в глушь, в деревню, подальше от пластиковых стаканов, разбитых бутылок и толпы идиотов на Пушкинской площади.

Все это известно и не ново. И много сейчас книг про то, что Москва – не город, а «краткосрочный проект для амбиций», вокруг актуальные профессии, престижные должности, менеджеры всех возможных звеньев, их истории о взлетах и падениях, о растленном мегаполисе и проч. Такие истории, похоже, должны служить отдушиной или собственным оправданием для читателя. Порой я спрашивал себя – не убегаю ли от всего этого? Не злобный ли я дезертир? Отчасти это было именно так – я улепетывал с поля боя, но с чистой совестью, потому как думал, что такие баталии не по мне. Я не сомневался, что в Индии с нами случится нечто «значительное»! Жизнеутверждающие, позабытые подростковые иллюзии!

Я по-прежнему не мог согласиться со все более утопичными мечтаниями Арсения – они казались мне подозрительными и чересчур наивными. Единственное, что все еще омрачало жизнь моего друга, так это болезни, климат, насекомые и «азиатчина». Он боялся этой азиатчины, как укуса королевской кобры, но разьяснить, что он имел в виду, никак не мог. Встретились с Константином Хасиным – аюрведическим¹ врачом, который выдал нам рулон бумаги с дикими названиями из индийской народной фармакологии. И Арсению стало гораздо лучше. Совсем уверенно Арсений почувствовал себя, когда нам вкололи прививки от гепатита и брюшного тифа.

Костя Хасин, казалось, предупредил обо всех возможных индийских напастях, но когда я сказал ему, что планируем сразу, по прилету, ехать в Варанаси, он как-то скис, пожал плечами и дополнил список лекарств еще дюжиной названий.

На этом все приготовления были закончены, и мы наконец поняли, что уезжаем, однако я никак не мог найти в себе мысли об обратном возвращении. С другой стороны, фактическое возвращение не только предполагалось, но и навязывалось – об этом говорила и дата в билетах, и друзья, и близкие, и что-то еще – вроде военкомата и неоконченной аспирантуры. При этом я

¹ *Аюрведа* – (санскр. – “наука о долголетии”), традиционная индийская медицина, сложившаяся к VIII в. до н. э., истоки которой лежат еще в магических представлениях ведийской эпохи.

вдруг обнаружил, что и родственников, и друзей очень быстро и легко забыть даже до отъезда. Меня изумила собственная черствость.

Итак, у нас были билеты до Дели, карточка «Travel Visa» с двумя тысячами долларов на счете и девятьсот долларов наличными, два фотоаппарата, холсты, краски, плеер, аккумуляторы, заряжающее устройство и еще куча ненужных в будущем вещей.

Перед отъездом мы, по обыкновению, устроили грандиозную вечеринку, с обилием алкоголя и тостов, причем многие пили не чокаясь. Нас не провожали – нас хоронили: сулили голодную смерть, нескончаемый понос, половое воздержание и прочие неприятности. Многие обещали обязательно приехать, другие советовали, куда ехать, но никто не сказал, зачем.

Я решительно не знал, чего ждать, и оттого радостно и глупо улыбался всему и вся.

Однако ж эта идиотская улыбка исчезла с моего лица тотчас, как мы очутились на Мэйн базаре ²...

* * *

Опасения, что Арсений умрет в Индии безумным, подтверждались. Он лежал в душном номере без окон отеля «Хари Рама», на квадратной кровати, уставившись в потолок, на котором, грозясь сорваться, бешено крутился вентилятор. Крохотная комната была отделана розовой кафельной плиткой и напоминала душевую или операционную. Вид Арсения вызывал уныние, он отказывался разговаривать и шевелиться.

Несмотря на свое название «Хари Рама» – «израильский» отель, на третьем этаже размещается подобие синагоги. В маленьком грязном вестибюле я повстречал раввина, который пытался позвать всех постояльцев на молебен – но практически все израильтяне были наглухо обкурены и без передышки били в таблы³, не обращая на раввина никакого внимания. Этот самоотверженный человек с пейсами так строго посмотрел на меня, указав в сторону комнатки-синагоги, что я чуть было не подался в иудеи. Английского я не знал, иврита тоже, поэтому неловко вытащил из-под рубахи православный крестик, и тогда он печально покачал головой и снисходительно улыбнулся: «У всех свои недостатки».

Вернувшись в розовый склеп, я застал Арсения в том же положении. После прилета он сказал всего одну фразу: «Жесть! Надо обратно, в Москву!».

² *Main Bazaar* – грязная улица вблизи вокзала. Перекладной центр бэкпэкеров, путешествующих по стране.

³ *Табла* – индийский двоянный барабан.

Варанаси

Варанаси – город Шивы, одно из самых священных мест Индии. Название Варанаси происходит от имен рек Варуна и Асси, между которыми стоит город. Более двух тысяч лет Варанаси является культурным центром страны и считается древнейшим обитаемым городом планеты. Первое упоминание о городе относится к XIII в. до н. э. В прошлом известен как Бенарес, Каши.

«Моя душа, восхищенная этим величественным созерцанием, возносилась к Божеству; и, глядя с этой высоты, как мои ближние в слепом неведении идут по пути своих предрассудков, своих заблуждений, несчастий, преступлений, я кричал им слабым голосом, которого они не могли услышать: «Безумцы, вы беспрестанно жалуетесь... Узнайте же, что все ваши беды исходят от вас!».

Жан Жак Руссо. «Исповедь»

«Ты есть то».

Уддалаки Аруни

Когда курю – всегда хочется писать! Так и сейчас, затушив *биди*⁴, пожалуй, черкну пару строк.

Вот уже несколько дней мое настроение напоминает грибной трип, волна эйфории сменяется волной депрессии, вторая обычно длиннее первой. Наверное, это в порядке вещей, но сегодня это меня уже не утешает, и я снова в аду, добро пожаловать назад, заходите, мы вас ждали, присаживайтесь вот сюда, здесь не так жарко, голову лучше отложить, а мозг вынуть!

Поразительно, что может проделывать воспаленное сознание!

Зачем я приехал сюда, что делать дальше, как жить? Когда я в Москве, меня все бесит и хочется вырваться оттуда, а когда это удастся, наступает скука, хандра и хочется обратно. Замкнутый круг, где меняются только декорации, а главное неизменно – будто едешь в поезде, а мимо, сменяя друг друга, проносятся цветные картинки, какое-то время это тебя занимает, затем надоедает, как и все в этом мире, и начинаются новые поиски, чтоб не сойти с ума.

Я ставлю опыт – буду записывать все, что со мной происходит, а когда все пройдет, в чем я не сомневаюсь, предамся самоанализу, будет развлекуха на какое-то время, оттянусь как следует.

Индусы иногда просто бесят своим женским любопытством и назойливостью. С другой стороны, они умиляют меня своей любовью к жизни, тем, как просто и радостно они по ней топают, ни капли не заботясь о материальной стороне, тут я им честно завидую...

Так вот, помню, как неделю назад задавался теми же вопросами и вначале также лез на стену, то ли от тоски, то ли от уныния. Помнится, лежал и думал, почему ж мне так плохо и беспокойно, когда причин для этого нет. Наоборот, все вокруг складывается очень позитивно. Я в полной мере мог бы считать себя вполне счастливым человеком, но чувствовал себя при этом абсолютно несчастным.

На некоторые вопросы я нашел ответы, но многие так и остались неразрешенными. Тем не менее, как-то раз, проснувшись поутру, я почувствовал, что все прекратилось, мрачные мысли, как ветром сдуло, никаких забот, полная безмятежность – чудесная метаморфоза. Я

⁴ *Биди* (bidi) – индийские сигареты, изготовленные вручную; в сухой лист дерева тембурни заворачивают крошку табака-самосада. Большинство биди производится на дому. Небольшой размер биди вмещает гораздо меньше табака, чем обычная сигарета, но из-за его низкого качества и отсутствия фильтра курильщик вдыхает намного больше смол и никотина.

почувствовал себя настолько счастливым, насколько им и являлся, и дальше с каждым днем это чувство только возрастало. Угрюмые мыслишки потеряли тропинку к своему дому и растворились в чаще сказочных ощущений. Надо сказать, что когда ты счастлив, зная отчего и почему – то счастье умножается во сто крат.

Бенарес. Комната на втором этаже старинного дома с мраморными полами и колоннами, расположенного в самом сердце древнего города за полуразрушенным дворцом магараджи, который дышит прохладой пустых окон на залитый солнцем *Ганг*⁵. На улице галдит детвора, в комнату крадется дым благовоний из уличных алтариков, смешиваясь с ароматом еды и специй, мрамор пола холодит ступни, пролетает комар и все тот же Кашкет все так же читает. У меня по-прежнему все замечательно, я цел и невредим, я не спился, не сторчался, не скурился, денег на путешествие хватает, но я попрежнему угрюм и недоволен. С ужасом думаю о том, что если мне так плохо, когда вокруг так прекрасно, то что же будет, если вокруг станет плохо? Вы спросите, а с чего я взял, что будет именно так? Отвечаю, обязательно будет, не может же все всегда идти гладко, да и вообще я пессимист.

Бананы – 1 рупия за штуку. Мандарины – 25 рупий за кг. Ананас средних размеров – 25 рупий. Джем – 54 рупии за банку. Так закончился еще один день.

* * *

Вне всякого сомнения – что-то не так. Где я? И зачем?

Два вопроса, на которые не так просто ответить.

Бенарес, Индия, штат Утар Прадеш?

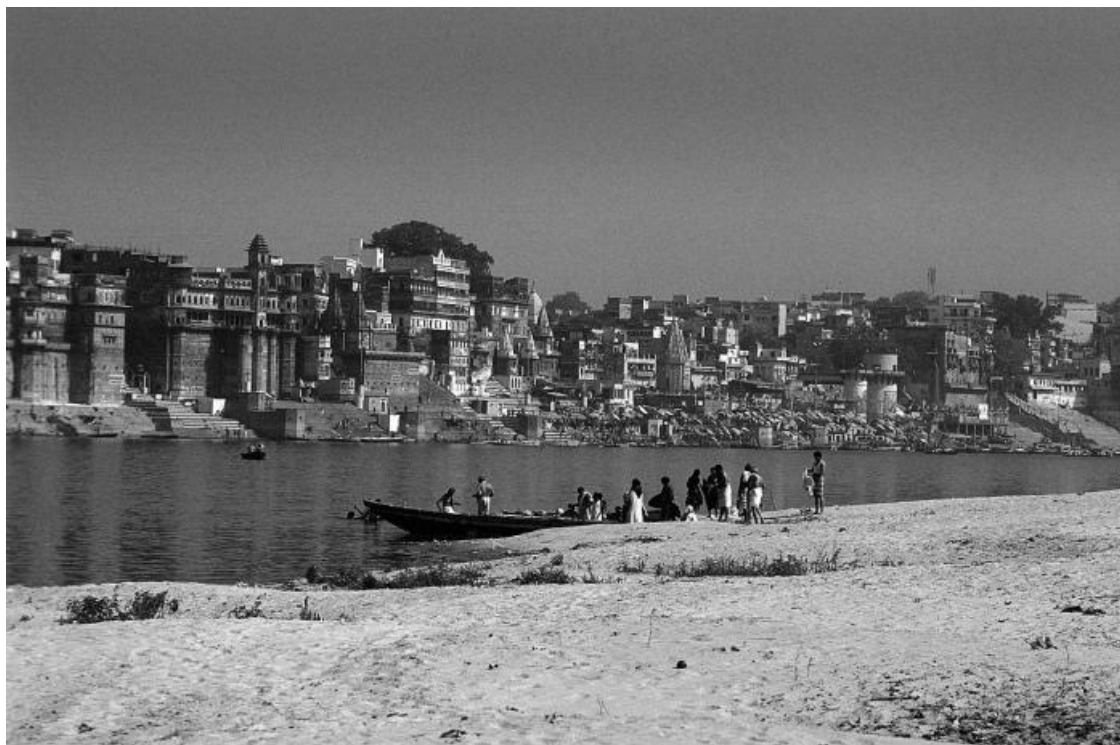
Да.

На другой планете?

Да.

Я избавился от шума снегоуборочных машин, пробок, суеты и телефона. Это положительная сторона. Однако сообразить и осмыслить, что я по доброй воле застрял в этом городе, мне кажется абсурдом. Виноват в этом, конечно, Варанаси. Сказать, что это странный город – ничего не сказать. Варанаси самый мистический город, из всех, которые я видел. Таких городов нет, и больше не будет. Нигде.

⁵ *Ганг* (*Ganges*), *Ганга* (*санскрит, буквально – “поток”*) – в географическом значении чаще используется мужской род, в религиозном и мистическом – женский (Мать-Ганга, Священная Ганга и пр.).

Вид на Варанаси с противоположного берега

Варанаси, на первый взгляд, обладает всеми атрибутами того, что обычно называют древним индийским городом: улицы, дома, бесконечные лавочки, липкий запах специй, ленивые коровы и собаки, словно сошедшие с полотен Иеронима Босха, грязь, жители, которых тут должно быть около двух миллионов или больше. Нагромождение домов, клубки сплетенных узеньких улиц и тупиков, кучи людей, живущих вне времени, существующих как иллюзия, каким-то мгновением.

В Бенаресе ощущается истинная религиозность, суть индуизма, квинтэссенция культуры и обычаев, без понимания и разъяснений. Про это место можно сказать только то, что в Варанаси существует только сам Варанаси. Недаром даже Марк Твен, человек с большим чувством юмора, не стал иронизировать по этому поводу, сказав, что «Варанаси древнее самой истории, древнее традиций и легенд – древнее, чем все это вместе взятое».

Варанаси всегда будет выше традиционных литературно-исторических определений, которые дают городам, потому что этот город больше похож на затерянную Трою Гомера, на ветхозаветный Вавилон, когда в нем принялись строить башню, или на Атлантиду, которой, возможно, никогда не было. Но Бенарес есть. Он вырастает из матери Ганги, он – вскормленное ею дитя, и его взаимоотношения со священной рекой не так просты... Париж и Сена, Каир и Нил, Лондон и Темза – город и река, в то время как Варанаси и Ганг – это мистический союз двух осязаемых символов.

По преданию Варанаси вырос на месте, где упала слеза богини Парвати, а Ганг вытекает из головы самого Шивы.

Бенарес вошел в легенды как самостоятельный элемент. Известный арабский путешественник *Абу Бируни*⁶ объясняет один из мифов так: «У индусов есть места, которые почитаются в связи с их религиозной жизнью, каков, например, город Варанаси. Отшельники направляются в этот город и остаются там навсегда, подобно тому, как соседи Каабы навсегда остаются в Мекке. Они желают, чтобы там завершился их жизненный предел, дабы после смерти их

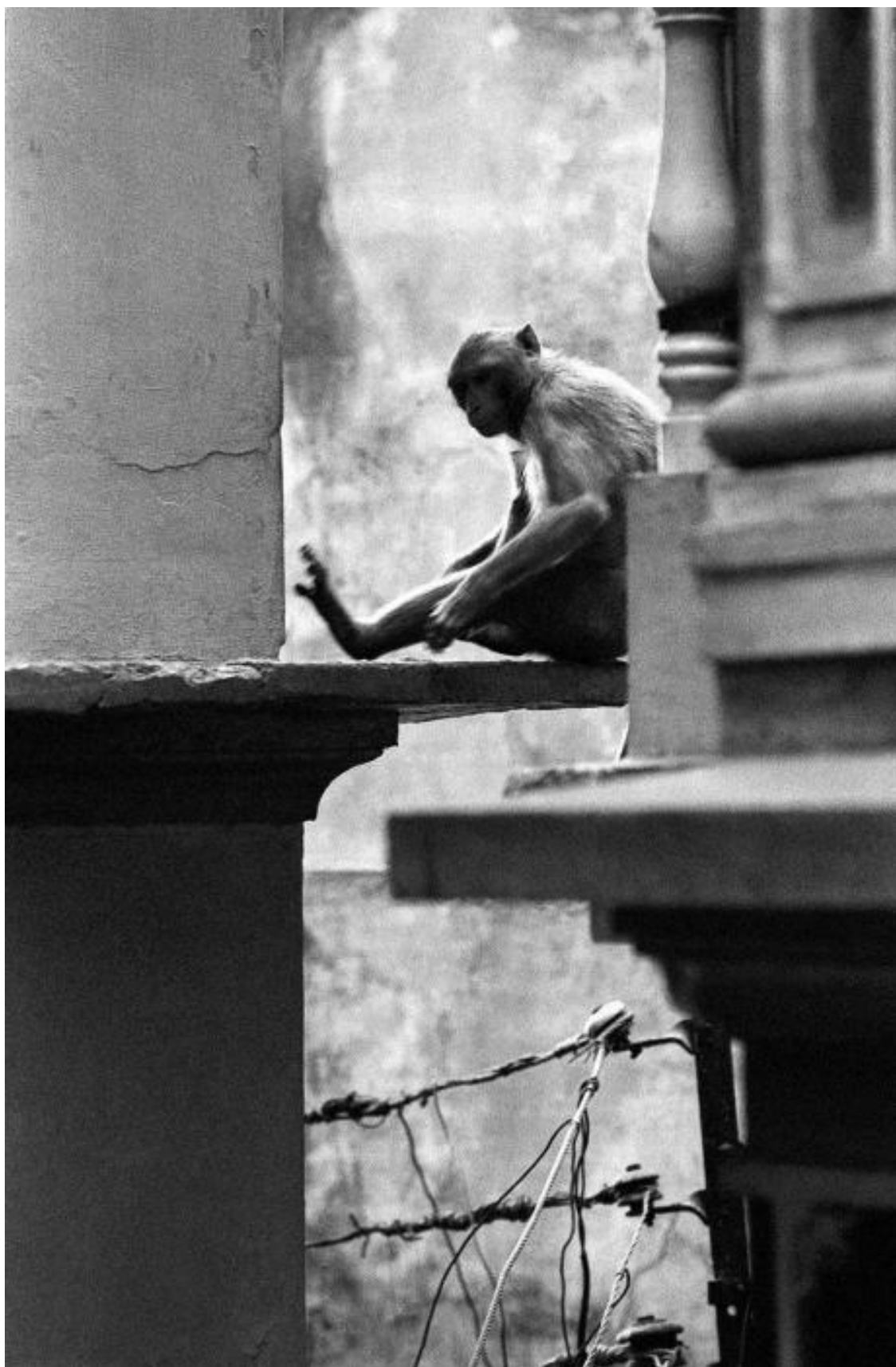
⁶ Аль-Бируни, Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад (973–1048) – персидский ученый-энциклопедист.

награда была наивысшей. Они говорят, что проливший кровь отвечает за свое преступление и наказуем соответственно со своей виной, разве что он войдет в город Варанаси, где получит прощение и отпущение грехов, и рассказывают легенду о том, что «Брахма обладал четырьмя головами в одном обличье. Между ним и *Махадевой*⁷ произошла ссора, и последовавшая схватка завершилась тем, что одна из голов Брахмы была оторвана. В то время существовал такой обычай: победитель брал голову убитого противника в руку и держал ее подвешенной в знак унижения врага и собственной храбрости, вложив ей в рот уздечку. Голова Брахмы была таким образом обесчещена рукой Махадевы, который всюду носил ее с собой; куда бы он ни шел и что бы он ни делал, он никогда не расставался с ней пока, наконец, не достиг Варанаси. Как только он вошел в Варанаси, голова сразу выпала у него из руки и исчезла».

Чтобы разобраться в символизме этих легенд, нужно быть индусом. Арсению бесполезно что-нибудь объяснять про шиваизм или индуизм. Он считает всех индийцев дикарями, в крайнем случае, обзывает их язычниками. Мы ведем бесконечные дебаты, сидя на крыше нашего дома, вглядываясь в Ганг, покуривая *чи́ллам*⁸ и попивая ром. Не знаю, чем вызвана такая категоричность моего друга, но он часто и честно говорит о собственных сомнениях и с еще большим удовольствием разглагольствует о внутреннем мире других. Иногда он даже отвечает за меня или за Махатму Ганди. Единственный индус, который его озадачил – Рабиндранат Тагор. Но я подозреваю, что его он индийцем не считает, причисляя к вымышленному племени философов.

⁷ *Махадева* – одно из имен Шивы.

⁸ *Чи́ллам* (chillum) – прямая глиняная трубка для коллективного курения гашиша.

Обитатель карнизов

* * *

Время остановилось!

Казалось, я не поднимался с этого плетеного кресла целую вечность, ноги так и лежат на небольшой медной табуретке с затейливым узором. В голове все те же мысли, но уже без мучительной тоски. Судя по красным цифрам на календаре, висящим на обшарпанной стене столовки, в которой мы вкушали завтрак – сегодня вечером будет какой-то праздник.

Календарь из столовки не соврал, часов около пяти мы вышли на *Муниши Гат*⁹ и направились в сторону Асси. Еще не стемнело, но кое-где на гатах уже были расставлены балдахины, повсюду суется праздничных приготовлений. Ганг тихо ползет мимо, из-за далекой, сумрачной гряды зелени на другом берегу лениво выплывает огромная красная луна, декорации оживают, и уже не верится, как могло продолжаться представление без главного героя. Тучи ночных мотыльков осаждают освещающий набережную фонарь – такое впечатление, что идет снег.

Домой шли в крошечной темноте без фонарика, то и дело поскальзываясь на коровьих лепешках. Поднялись на крышу, зажгли свечи и пили ром. Кашкет все время повторял: «Хорошо сидим»; да, было действительно прекрасно! Внизу раздавались звуки праздника. Ганг вдруг замерцал оранжевой иллюминацией – это поплыли в красных черепках с цветами маленькие свечки. Сотни крошечных огоньков вытянулись в змею, все прибывая, словно выныривая из пучины – это плыла не видимая во тьме лодка, в которой кто-то зажигал и спускал на воду все новые и новые язычки пламени.

* * *

Время стоит.

Читаю Сартра. У меня с ним последнее время наладилась какая-то связь, что не замедлило подтвердиться, когда я прочел про «дворцы Бенареса», наверно и он здесь был, бродил по гатам и, возможно, так же страдал от одиночества.

Сартр, Бенарес, «Doors» и дым биди слились воедино в этой комнате. Вечер, а, кажется, что глубокая ночь, уже давно стемнело, но сейчас всего лишь полдевятого. Не знаю, писал я об этом или нет, но последнее время мне все лень. Лень писать, лень читать, лень курить, лень рисовать, лень выпивать, лень сидеть и лежать. Все это происходит само собой, без моего участия. Я – как растение, мысли роятся сами по себе, выводы рождаются и умирают, но не влекут за собой никаких действий. Все бессмысленно и неинтересно, жизнь кажется хрупкой, как сгоревшая спичка – только тронь, и все рассыпется в прах.

Сейчас Индия мне кажется какой-то враждебной.

Хочется оторваться от мыслей, забыться и ни о чем не думать, в голову лезет единственный способ – напиться. Гашиш надоел. От него мякнут мозги, становятся ленивыми, как и все тело. В стене сознания образуется брешь, в которую устремляются мысли. Когда все надоест и тут, вернусь домой, забыв, что и там все надоело, чтобы все надоело заново. Это бесконечная спираль, по которой можно двигаться до изнеможения.

Найти бы такое дело или занятие, которое заставит окунуться в него с головой, забыв обо всем остальном. Ведь живут же люди, делают свои дела, решают проблемы и считают себя счастливыми, не сходят с ума, может и мне поступить также!

Играли в шахматы, луна так и не показалась, несмотря на чистейшее небо. Странно! Даже все объясняющий Кашкет не знал, куда она делась.

⁹ *Gat* (Ghat) – ступени или спуск к воде вдоль реки или озера (каждый участок имеет свое название), также гатами называют гряды гор или холмов. Считается, что в Варанаси ровно сто гатов.

Сидим сиднем дома. Хочется куда-нибудь двинуть из Бенареса, но, мне кажется, это бесполезно, никуда не деться от этих мыслей. Я уже не боюсь их, теперь мне просто интересно: «Чем все это закончится?».

Может, это отмирает во мне московская, бесплодная жизнь!? Мое состояние – это расплата за обманчивое счастье городского суетливого прозябания, оно как рвота – неприятный, но очищающий процесс, так и этот поток негативных мыслей – душевное очищение, итог которого – обновление и гармония чувств.

Собственно, я не хотел писать – сегодня мне хорошо. Соврал! Я стараюсь писать в дневник каждый день хоть что-то – это как утренняя гимнастика. Либо каждый день, либо нет смысла.

Поэтому когда проем окна озарился, как в грозу, вспышками яркого света, я понял, что будет, о чем рассказать. Назойливые мартышки доигрались до того, что одна из них, видимо, задела провод от вывески «BABA GUEST HOUSE», висящей как раз на уровне наших окон. Момент удара током бабуина, мы не видели, зато успели разглядеть, как бедное животное, ничего не соображая, металось туда-сюда по карнизу, а затем чесало уязвленную конечность тремя другими.

Это, пожалуй, единственное происшествие за сегодняшний день.

Все то же, что и вчера: завтрак, книги, шахматы, прогулка по гатам до *Маникарники*¹⁰, остановка у центрального гата, покупка арахиса и поход обратно.

Играет «Doors», Кашкет пишет дневник. Если б Моррисон знал, что его музыка так умиротворяет, то наверняка бы впал в депрессию, а, может, такой ее сделало время. Сегодня не пили и не курили – чувствую себя прекрасно, пойду спать, уступив место за столом Кашкету.

* * *

Утром сняли лодку на главном гате, где все еще лежал труп с табличкой «помогите на сожжение бедняка», рядом куча мелочи и дров, оставленных сердобольными людьми. Мы переправились на ту сторону Ганга и, высадившись на обжигающий песок, двинулись в направлении зеленой полосы деревьев, слабо рдеющей на горизонте.

Противоположный берег Ганга – это широкая полоса отмели, на ней нет ни одной постройки, нет народа, только изредка можно заметить группу людей, переправляющихся на утлых лодках в город. И только в большие праздники, поздно вечером тут столпотворение от факельных шествий.

¹⁰ *Маникарника* (Manikarnika Ghat) – название гата, где проводятся ритуальные сожжения тел.

Пустынный берег Ганга

Пустынный берег считается проклятым, и умереть тут – великое несчастье. Смерть на ступенях Маникарники и ритуальное сожжение сулит искупление и новую жизнь, смерть же в проклятом месте – залог того, что в следующей жизни есть вероятность родиться презренной ящерицей или плешивой собакой. Именно тут, на изгибе реки, на откосах, находят свое последнее пристанище тела *садху*¹¹, которых глодают псы, и туши коров с выклеванными глазами.

За первыми деревьями показались глинобитные хижины и огороды. Углубляясь все дальше от города в сельскую местность, мы были приятно удивлены райским местечком по сравнению с безлюдной пустыней и суетливым Старым Городом. В основном тут живут простые крестьяне-*шудры*¹², деревушки содержатся в кристальной чистоте, земля так выметена, что на ней нет ни соринки. Даже джунгли, с пальмами и зарослями тростника, кажутся ухоженными, чистыми и прохладными.

Вскоре дошли до крепости Рам Нагар, бывшей резиденции магараджей Бенареса, построенной в XVII веке. Сейчас это – музей. Музеем это, конечно, сложно назвать – в разбитых, заросших пылью витринах выставлены такие же пыльные, рваные и грязные символы былого величия Бенареса и его раджей. В оружейной галерее на стене висит выкрашенный в коричневый цвет планшет из фанеры, к которому прикреплено несколько серебряных бутанских щитов и мечей, и, видимо, для того, чтобы они составляли с ним некую творческую композицию, их тоже покрасили коричневой краской. Смотрители в музее выпрашивают по пайсу у посетителей и, по-моему, готовы за несколько рупий вынести из музея любой экспонат.

На обратном пути мы заняли места в общей лодке, в которой уже расположилось несколько крестьян в ожидании, пока наберется остальной народ. Мое внимание привлекли две старушки-крестьянки из деревни с другой стороны, едущие в город на рынок. Они, навер-

¹¹ *Садху* – отшельник, аскет, святой человек.

¹² *Шудры* – одна из четырех древних индуистских каст (варн), потомки покоренных неарийских племен. Ныне шудры распались на множество мелких низших каст, большей частью по роду своих занятий.

ное, были сестрами, на руках у обеих блестели одинаковые серебряные браслеты, поражающие своими размерами, красотой и изысканной резьбой – каждый браслет представлял собой двуглавую змею со сплетенными языками; толщиной с черенок от лопаты, они казались толще черных запястий старушек, непонятно, как они вообще таскают на себе такую тяжесть.

В VII веке китайский путешественник *Сюань Цзан*¹³ неоднократно подвергался нападениям разбойников, плавая по Гангу на таких же суденышках. Пираты захватили Сюань Цзана вблизи Варанаси и намеревались принести его в жертву богине *Дурге*¹⁴. Глядя на сотни лодок, стоящих по другую сторону, на «Вечный город», мерцающий в мареве теплых потоков воздуха, и на этих древних старушек, я охотно в это поверил.

Но вот лодка уже отправляется, подбирая последнего пассажира, – старушку, бредущую по колено в воде с гигантской корзиной сухих какашек.

Вид с крыши нашего дома

¹³ Сюань Цзан – китайский буддист-паломник, побывавший в Индии в первой половине VII в.

¹⁴ Дурга – богиня-Мать, культ которой связан с женской ипостасью Шивы – его супругой Кали, Дэви, Парвати и проч. Дурга – богиня-воительница, защитница богов и мирового порядка от демонических сил.

Бродяга

* * *

Я проснулся в холодном поту, не знаю, сколько я проспал – час или десять минут. И проснулся ли я вообще.

В левой руке у меня сигарета, она дрожит вместе с рукой – я дрожу: у меня приступ озноба. Это нормально, что меня знобит. Я еще не успокоился, но когда нервничаешь – чертовски приятно курить. И я радуюсь каждой затяжке, будто это моя последняя сигарета. Правда, приходится постоянно откашливаться и поминутно ощупывать горло.

На индийских пачках из-под сигарет редко пишут о том, что «курение – причина смертельных заболеваний». На моей пачке «Capstan» нет упоминания ни о болезнях, ни об уровне никотина или смол, только название и место происхождения табака. Мне на это откровенно плевать. И чихать я хотел на все причины. Особенно сейчас, когда с радостью закурю еще одну. А причин может быть действительно сколько угодно. Хуже, когда их нет: последствия есть, а причин – нет...

Двадцать пять минут назад я чуть не помер, причем настолько идиотским способом, что, мягко говоря, нахожусь сейчас в крайнем замешательстве и недоумении. И очень злюсь на себя за то, что никак не могу выдумать хотя бы одну причину, которая привела меня к нынешнему положению. Поэтому нет ничего удивительного, что меня потряхивает и подмораживает в душной комнате.

Целый день я ходил по гатам, кормил маргитшек нарезанным ананасом и кожурой от бананов. Дома я сел за стол и увидел крюк, вделанный в потолок. Бог знает, кто и для чего вбил его туда – скорее всего, он служил для подвешивания лампад, потому что раньше здесь была молельня. Должно быть, и дому, и этому крюку лет пятьсот, а то и тысяча. Справиться со временем мне тяжело: здесь время – аморфная категория. В этом городе считать дни, минуты

не получается. На улице никто никогда не спрашивает, который час, башенные часы на вокзальной площади не работают, поезда приходят сами по себе, без расписания, и их ждут, лежа на платформе, укутываясь ночью в тонкие платки и покрывала. Поэтому кто и когда вбил этот крюк, построил этот дом, сотворил гаты, сломал вокзальные часы – не имеет ни для кого никакого значения.

Я опустил глаза с потолка на письменный стол, увидел стропу, которую второй день пытался вдеть в чехол спальника, опять посмотрел на крюк, взял стропу, вспомнил про мыло, намылил им потную шею и, накинув петлю, принялся за дело. Сделал я это быстро, спокойно, без раздумий – взял медную табуретку, накинул стропу, прыгнул... Я равнодушно болтал в воздухе ногами, наткнулся на табурет, выпрямился, снял петлю, закурил... Так же бездумно и глупо, спросонья, я почистил зубы кремом для рук.

Трудно себе признаваться, но жизнь я люблю, безо всяких «зачем и почему». И я не псих. К тому же я очень спокойный, даже слишком, чтобы задумать удавиться. Поэтому я никак не могу объяснить себе то, что вытворял полчаса назад. Ведь не писать на каждой веревке, мыле и крюке, как на пачках сигарет, что они могут привести к таким последствиям. Единственное, что приходит в голову – любопытство. Оно зародилось где-то далеко в мозжечке и, не успев оформиться во что-нибудь отдаленно похожее на скрытое желание, воплотилось в конкретное, безумное, мгновенное решение повеситься. Но тогда я кретин – любопытный кретин.

За эти полчаса я многое передумал, но все без толку – «любопытный кретин» – это не причина. Может диагноз, но не причина, иначе бы я умер в детстве. Я сижу и жду ответа. Жду так, будто мне должны позвонить: я сниму трубку, скажу «алло» пересохшим горлом и кто-то незнакомый на другом конце провода мне все объяснит. Но никто не звонит.

Я что-то написал, перед тем как идти мылить шею. Конверт, на котором я это сделал, лежит рядом на столе. У меня нет никакого желания читать то, что я излил на этот прямоугольник: боюсь, ничего кроме глупости, ненужных извинений и слезливого прощания там не обнаружу – стыдно заглядывать, и я стараюсь не думать о том, что писал, вспоминая о куске мыла в душевой.

Буду сидеть курить, ждать «телефонного звонка» и думать. Нет, надо чем-нибудь себя занять, отвлечься... Обычно это всем помогает.... Арсений уже который день, занимается садистским самоанализом и ходит хмурый – ему тоже надо меньше думать.

В комнате бардак. Когда пройдет голова, надо будет прибраться, но сперва – покурить. Если покурю, а она не пройдет – убираться не буду. Вентилятор работает то медленнее, то быстрее. Совсем как мозг.

Еще вчера все было по-другому.

Например, вчера днем и сегодня утром я наблюдал за одним молодым японцем – все ждал, когда он сделает себе харакири. Он живет в доме напротив, окна его комнаты чуть ниже наших. Улица шириной не больше коровы, из-за этого мне все время кажется, что мы с ним живем в одной квартире. Я никак не могу привыкнуть к коровам, мартышкам, мусорщикам и узким переулкам – вчера, подходя к дому, я наткнулся на здорового быка и не смог его обойти – пришлось тащиться через квартал. Японца видно хорошо. Целыми днями он курит гашиш и стучит в таблы. Вчера я устроился возле окна, обложился фруктами с *курдом*¹⁵ и стал наблюдать. Ничего не произошло: он по-прежнему курил чиллам, бил в барабаны, одиннадцать раз приложился к бутылке с водой, три раза вышел из комнаты на семь минут. Судя по всему, японцу не скучно. Лицо у него лишено всякого выражения, но это скорее признак национальной принадлежности, чем отсутствие эмоций. Заселился он сюда около недели назад, и с тех пор в его распорядке дня ничего не изменилось – четыре дня назад он еще играл на дудке,

¹⁵ *Курд* – кисломолочный продукт, похожий на простоквашу.

в перерывах между чилламом и барабанами. Сейчас почему-то дудку забросил. По моему, у японцев отсутствует понятие «тоска».

Сегодня утром он разбудил нас тем, что вышел на улицу и принялся дробить в чугунной миске горох. Это было в шесть утра, следом за ним по улице прокатились крики мусорщиков, вместе с первыми песнопениями идущих к Гангу паломников. Вечером начался праздник, и мы пытались разделить с толпой индусов радость хаоса в гегемонии звуков. Когда вернулись, мне было не до соседа. Сейчас в его окнах темно, наверное, спит. Нет, вряд ли он когда-нибудь задумывался о харакири. Завтра куплю себе барабан.

Вчера отправились прогуляться в сторону Золотого храма – сердца старого города. *Вишванатх*¹⁶ – это святыня города, сакральный храм для всех индуистов, в особенности шиваитов. Внутри храма находится *лингам*¹⁷, покрытый золотом. Внутри могут заходить только индусы. Прежде на этом месте стоял другой храм, посвященный Шиве; он простоял более полутора тысяч лет, пока мусульманские завоеватели не разрушили его до основания. *Аурангзеб*¹⁸ построил рядом с развалинами индуистского храма Великую Мечеть. Сейчас два храма разделены стеной, а территорию вокруг них охраняют сотни солдат и полицейских.

Когда мы вышли на прямую и очень узкую улочку, ведущую на Маникарнику, нас чуть не сшибла похоронная процессия: впереди бежали музыканты – били в бубны, свистели в дудки и терзали другие инструменты. Периодически они падали, изображая предсмертные конвульсии, катились по земле, не переставая стучать в барабаны. За ними родственники с гирляндами из оранжевых цветов несли тело на бамбуковых носилках, забинтованное в оранжевый саван и блестящую золотую бумагу, прикрывавшую лицо покойника. Замыкала шествие толпа людей с пучками курящихся благовоний, наверное, для того чтобы перебить трупный запах, коего я не почувствовал здесь ни разу, хотя сталкиваться с мертвечиной тут приходится ежедневно. Вообще, благовония – это прекрасное индийское изобретение. После того, как дым рассеялся, мимо меня пролетел огромный бык, следуя за процессией. Я еле успел отскочить на крыльцо, чтобы не оказаться на его рогах. Из-за угла вынырнула очередная процессия. Она, видимо, опаздывала; музыкантов не было, а покойник чуть не слетал с носилок, замыкающие шествие родственники еле поспевали следом. Не успел я и глазом моргнуть, как от шествия остался только дымок благовоний, перекатывающийся в солнечном луче.

На восходе солнца вся семикилометровая набережная заполняется народом. Сюда приходят для совершения ритуальных омовений в священной матери Ганге. Даже рядом с тем местом, где двадцать четыре часа в сутки сжигают умерших, люди купаются, чистят зубы, окунают в воду грудных детей.

По статистике на сто миллилитров воды из Ганга в районе Варанаси приходится около полутора миллионов бактерий при допустимом количестве в четыреста тысяч, то есть по правилам санитарии тут и в воду входить нельзя – но индусам на это плевать, они резвятся, полощут рты и радуются жизни. Справедливости ради следует отметить, что вода тут и вправду не воняет – помимо религиозных поверий существует мнение, что в русле Ганга находятся пласты серебра, дезинфицирующие воду.

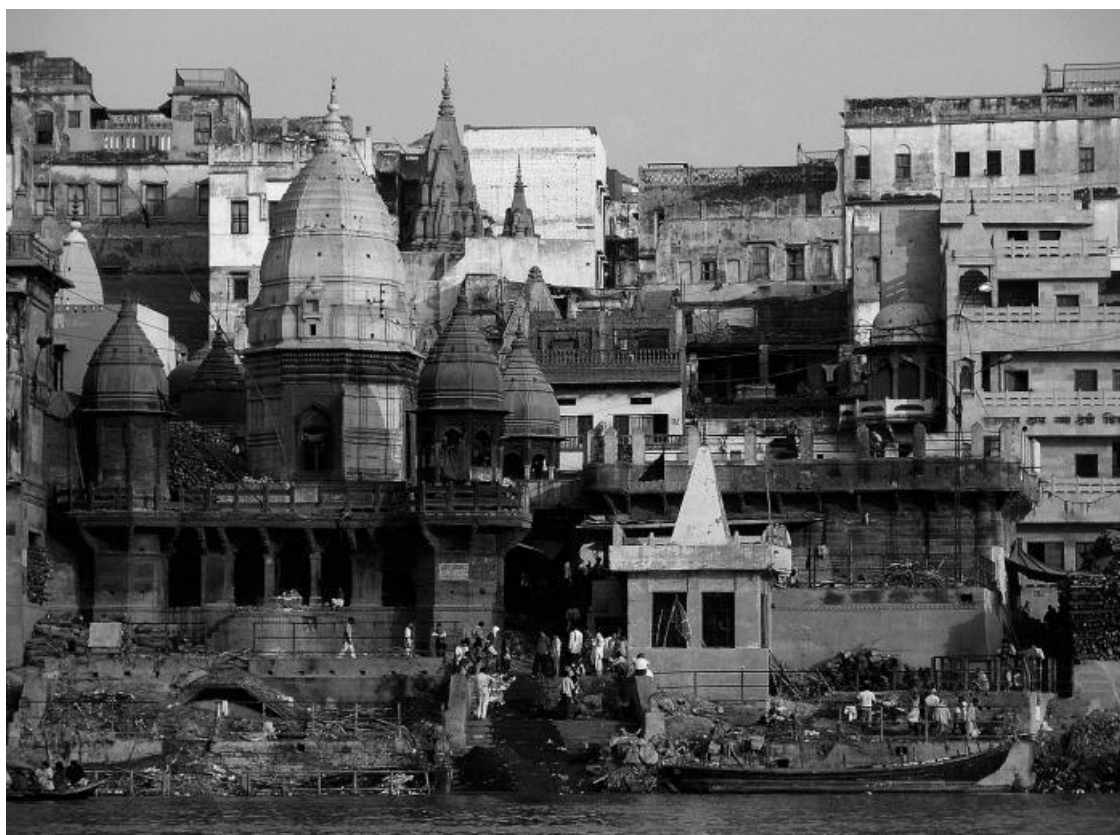
Индусы же не заботятся о таких мелочах – для них Ганг чист по определению. Они верят, что раньше руслом Гангу служил Млечный путь. Но однажды царь Бхагиратха упросил Шиву спустить Священную Реку вниз на землю, чтобы кости его пращуров, совершивших в свое время много гадостей и недостойных дел, наконец, упокоились с миром. Считалось, что только Великий и гордый Ганг может смыть грехи почивших. Шива внял просьбе сердобольного и

¹⁶ Храм посвящен Вишвешваре – воплощению Вселенского Шивы, построен в 1776 году. Башни храма покрыты золотом, общий вес драгоценного металла 800 кг, отсюда второе название – Золотой Храм.

¹⁷ *Лингам* – фаллический символ; символ энергии и силы Шивы.

¹⁸ *Аурангзеб* – (1618–1707), последний подлинный правитель Могольской империи.

усмирил Ганг, прикрепив его к своей голове, а царь заставил среднее из семи разветвлений Ганга течь над костями своих предков, благодаря чему они освободились от наказания. С тех пор Ганг имеет второе имя – Бхагиратха.

Маникарника. Костры сожжения

Однажды во время прогулки по Маникарнике двое индусов завели меня в дом, окна которого выходили прямо на костры сожжения. Я сразу понял – это «приют вдов» *Салмана Руиди*¹⁹ – хоспис, куда приходят бедняки, которые доживают здесь свои дни, прося милостыню на дрова для своего часа. Когда приходит время, их тела окунают в воды Ганга, потом кладут на костер и сжигают, а то, что не сгорает – челюсти, кости, зубы – выбрасывают в реку. Не сжигают только садху, беременных женщин, детей и укушенных коброй. Садху – так как они уже соединились своей жизнью с Шивой; детей – потому что ребенок это цветок жизни и сердце его безгрешно; беременных женщин – у них в чреве уже есть ребенок; укушенных коброй, потому что эта змея олицетворяет Шиву.

Повсюду сложены кучи кривых стволов, в которые вбивают клинья, раскалывают, а потом продают. Сожжение дело дорогое. Чтобы сжечь один труп, нужно от девяти до двенадцати тысяч рупий.

Выйдя на набережную, я остановился, чтобы поесть жареного арахиса. Наемные шудры, стоя по грудь в воде, охапками загребают смолистую поверхность воды у берега и выплескивали ее в корзины, затем промывали в поисках остатков украшений и золотых зубов. Пока я грыз орехи, появилась новая процессия – в золотом саване вынесли труп, уложили ногами в Ганг, затем втащили на сложенный из дров пьедестал. И вдруг из толпы к костру бросилась женщина в ярко синем сари и с отчаянным криком прыгнула в пламя, хватаясь за мертвое обугленное тело – волосы ее вспыхнули, красивое одеяние загорелось зелеными языками. Ее

¹⁹ *Салман Руиди* – писатель. Речь идет о его романе «Дети полуночи».

вытащили, облили водой, а она рвалась обратно, уже без криков, беспомощно обвисая на руках родственников. Когда она бросилась в костер – я испытал зависть. «Такого горя у меня никогда не будет» – подумал я и пошел домой, потому что начинало смеркаться.

Улица Бигали Тола

Странные воспоминания за сегодняшнюю ночь, наверное, они мне нужны. У меня есть любимые люди, друзья. Я – не герой, и если романтик, то только отчасти, я никогда не хотел стать летчиком или космонавтом. Я не японец и не индус. У меня все хорошо. Но я часто чувствую ноябрь, который воеет, окутывает холодным туманом, сквозь который ни черта не видно.

Передо мной лежит прямоугольник конверта, мне уже не страшно и не стыдно – я посмотрю. Я знаю, что там написано – это не прощание и не завещание, криво выведено: «Зачем? Незачем. Секундная мелочная глупость в жизни, короткой или долгой – не суть важно...». Даже мне эта фраза ничего не объясняет. И вряд ли ее понял бы Арсений. Но я спокоен, что-то объяснилось само собой. Все выговоренные истории полезны, пусть и всплывают в моей памяти, как никчемные заплесневелые отрывки. А теперь надо успеть заснуть, перед тем как проснутся мартышки, японец с миской сухого гороха, пойдут мусорщики, послышатся шлепки босых ног, спешащих на омовение к Гангу – начнется привычное утро обыкновенного дня в необыкновенном городе. В конверте лежат билеты. Скоро мы уедем отсюда.

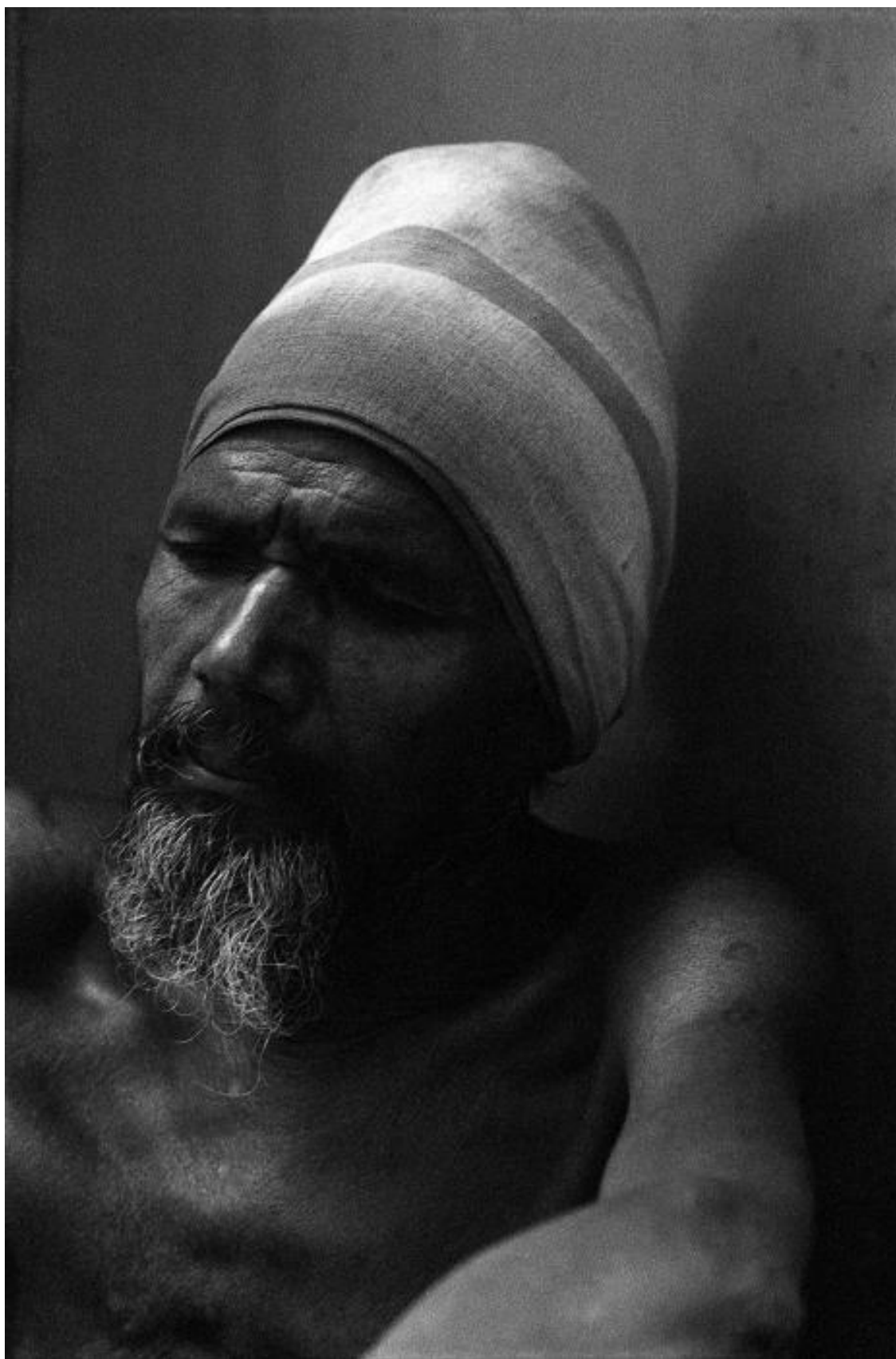
* * *

Половина второго – настроение хорошее. Лежу на кровати перед раскрытым окном. Передо мной уходящий в сторону *Бигали Тола*²⁰ переулочек с вывеской «Shiva Guest House». Дует теплый ветерок, заполняя комнату запахами специй и еды. Прямо под окном дети гоняют в футбол пластиковой бутылкой. Стрекотание швейной машинки внизу, цоканье шлепанцами по каменным плитам. Узкий переулочек утопает в проводах, как в паутине, по карнизам шныряют обезьяны, косые лучи солнца освещают стену справа.

Вот я покурил и забыл, о чем собирался писать, может, это и к лучшему. Как всегда, все закончилось чипсами. Сначала мы макали их в плавленый сыр, который я купил у бабки на Бигали Тола, а когда он кончился, я доел все в сухоматку. Растительное блаженство – мозг пустеет, взгляд стекленеет, приковываясь к одной точке, работают только челюсти, перемалывая остатки чипсов. Минута забытья – я растение.

Только собрались спать, как Варанаси затрясло от раскатов грома. Мы вылезли на крышу – невероятное зрелище: ослепительная молния разделяла необъятное небо как трещина на стекле, четкая и до того яркая, что песчаная отмель другого берега резала глаза. Мартышки забились по углам и, после каждой новой вспышки, между ними пробегала волна ропота и удивления, как в толпе детей пред небывалым фейерверком. Такие чудеса могут сниться только в детстве, а тут все было наяву. Долго наблюдать за этой красотой нам не пришлось, посыпали теплые капли, и мы отправились вниз.

²⁰ *Бигали Тола* (Begali Tola) – улица в центре Старого Города.

Полдень на улице

За окном – все то же самое, что и месяц назад и, наверное, двадцать веков подряд. Бенарес потрясающе вневременное место, поняв это, я был приятно удивлен, прочитав то же самое

у Киплинга в рассказе «Путешествие новобрачной», действие которого происходит в Бенаресе. Казалось, что он написал рассказ вчера. Даже завывание муэдзина, который вот уже вторую неделю не дает мне уснуть, заставили так же возмутиться и кипплинговскую героиню: «Чего он так орет». – восклицает она!

Дни стали жарче, и приходится почти все время включать вентилятор. Жара не располагает к действию, единственное приятное занятие – это лежать трупиком под вентилятором и смотреть, как сквозняк играет занавеской в дверях. Около пяти дня. Город спит, погруженный в зной, я лежу на кровати, обливаюсь потом, смотрю на занавеску. В прикрытые ставни периодически врывается поток воздуха. Вместо прохлады он приносит жаркий дух камня, будто из печки. Иногда к нему примешиваются запахи специй или ворчание бабуина, примостившегося в тени на подоконнике. Полотно с изображением Шивы, обнимающего Парвати, висит на стене и дышит – струи воздуха волнуют ткань в нескольких местах. Провожу рукой по гладкой стене, цепляюсь кольцом о торчащий гвоздь, расслабляю мускулы, рука виснет на одном пальце, как червяк. Представляю, как палец отрывается и повисает рядом с Шивой...

Вечером на гатах намечается праздник *Шиваратри*²¹.

Рассматриваю примостившуюся на стене в плетеном ведре искусственную розочку. Издалека она выглядит, пожалуй, как настоящая, но когда берешь в руки – сразу понимаешь, насколько жалкими выглядят попытки человека подражать красоте природы. От этого искусственного цветка больше веет смертью, нежели жизнью. Думая запечатлеть жизнь, человек сам того не сознавая, мастерит символ смерти и кладбища.

* * *

Устав сидеть дома, мы взяли рикшу и отправились в *Сарнатх*²². Он расположен в десяти километрах к северу от Варанаси. Это место славится тем, что Будда произнес здесь свою первую проповедь. Одним из основоположений доктрины раннего буддизма считаются четыре благородные истины. Именно их перечислением открывалась проповедь в Сарнатхе. Суть этих «благородных истин» такова: жизнь в мире полна страданий; есть причина страданий; страдания можно прекратить; есть путь, ведущий к прекращению этих страданий.

Главными достопримечательностями Сарнатха считаются знаменитая ступа Дхамекх, построенная *Ашокой*²³ на том самом месте, где проповедовал Будда, а также колонна, капитель которой сделана в виде четырех львов, повернутых спинами друг к другу – в Индии изображение этой композиции принято в качестве национального герба страны.

Бродить по Сарнатху нам быстро надоело: несколько храмов различных буддийских течений, парк с оленями, пруд с кайманами, и больше ничего. Почти на каждом дереве висит по громкоговорителю, и по всему парку разлетаются отрывки проповедей или религиозных текстов. Настроены громкоговорители на полную и, вместо того, чтобы наслаждаться пением птиц и внимать природе, нам пришлось слушать речи невидимого оратора, даже не понимая, о чем он так распинается в жаркий воскресный полдень. Мы получили удовольствие только от пребывания в чистом месте после месяца лазанья по дерьму. Благоговение Сарнатх вызывает только у буддистов, которые толпами перебегают от одного храма к другому.

²¹ *Шиваратри* (Shivaratri) – «Ночь Шивы». Согласно традиции, в этот день Шива принимает образ лингама для всех своих последователей.

²² *Сарнатх* – первое упоминание о Сарнатхе относится к V в. н. э., когда его посетил известный китайский путешественник Фэхэнь. После нашествия мусульман Сарнатх был частично разрушен и забыт на многие века.

²³ *Ашока* – (? – ок. 232 г. до н. э.) индийский правитель из династии Маурьев, внук основателя династии Чандрагупты.

* * *

Вот уже второй день я пытаюсь осилить Керуака «На Дороге», но на второй части этого нескончаемого дневника мне стало скучно, и я отложил его до лучших времен. Теперь эта книга служит границей на нашей гигантской кровати. Ночью я подпихиваю ее в бок Кашкету, чтобы он не скатывался на мою половину. Кашкет спит, как червяк на сковородке, постоянно вертится и перекачивается из стороны в сторону. Он все время спит буквой «г», ногами упираясь мне в живот. Слава Богу, завтра переезжаем в другую комнату на последнем этаже, где две кровати, и Кашкет сможет спать любыми буквами алфавита.

Ближе к вечеру отправились на Главную площадь, где я постригся в местной парикмахерской. Цирюльник ловко орудовал ножницами и опасной бритвой, и очень скоро моя копна волос превратилась в прическу точь в точь, как у человечков из конструктора «Lego». Пришлось попросить парикмахера сгладить некоторые прямые углы моей шевелюры, чтобы хоть отдаленно походить на человека.

В воздухе уже чувствовалась атмосфера праздника, везде висели гирлянды, оранжевые драпировки, иллюминация и цветы.

Дома мы так сильно обкурились, что, когда вспомнили о празднике и выскочили на улицу, угодив в водоворот празднующихся нетрезвых индусов, просто растерялись от оглушительной какофонии звуков, и не знали, что делать. Только желудок знал, что именно ему надо, и вскоре людской поток выбросил нас на берег к подножию индийской забегаловки, засиженной мухами, людьми и тараканами. Подобно кормчему с веслом, возле входа восседал шуплый индусик. Весло оказалось поварешкой, которой он помешивал в кипящем масле шипящие *самосы*²⁴. Пара самос, и мы пошли шататься по площади, где через каждые два-три метра шумели представления и праздничные кутежи. Индусы любят шум – чем громче, тем веселее. Вокруг рвались петарды, рассыпались фейерверки, по силе сравнимые разве что взрывпакетами или фугасами. Вечерний Бенарес стал похож на какой-нибудь город времен вьетнамской войны, как в фильме «Apocalypse Now» Копполы или «Full Metal Jacket» Кубрика: развалины обшарпанных домов, наклепленных друг на друга, мерцают от вспышек петард, салютов и костров – зрелище адское.

Из-за проблем с электричеством в Варанаси постоянно отключают свет. И тогда в каждом доме и лавке запускают генераторы. Сейчас, в разгар праздника, тархтение генераторов напоминало звуки едущей по улицам бронетехники. Тени обезумевших бабуинов мелькали среди городских руин в поисках убежища.

Во время Шиваратри принято зажигать свечи в глиняных чашечках, украшенных оранжевыми цветами, и пускать их по реке. Освещенная нарядной иллюминацией, уходящая в легенду древняя набережная города пестрит яркими толпами праздничного люда. Вдоль всего берега сплошной чередой горят черепки со свечками, медленно уносимые течением на середину реки. Широкая Ганга полна лодок, река мерцает и переливается в огнях свечей и лампад, ломая отражения залитых лунным светом дворцов. На другой стороне, где нет города, простирается пустыня обмелевшего дна. По ней движутся караваны людей со свечами и факелами. Издалека видишь только линии огоньков, складывающиеся в причудливые узоры и приобретающие форму свастики у берега.

На крыше нашего дома мы зажгли свечи, откупорили бутылку джина и, осушив ее наполовину, снова отправились к набережной. Сидя в обычной лодке, я и Кашкет ждали остальных пассажиров, пока она не набилась так, что свисающие люди чуть ли не валялись за борт. Поплыли по кишашему Гангу, наблюдая за праздником с воды. На Мникарнике даже в празд-

²⁴ *Самоса* (samosa) – треугольный пирожок.

ник не прекращаются ритуальные сожжения, похоже, в эту праздничную ночь костры горели даже ярче, чем обычно.

Пытаясь заснуть, я всю ночь крутился с боку на бок, а как только это удалось, проснулся от кашкетовых ног, упертых мне в живот. Керуак его не остановил.

* * *

Покупка курицы в Варанаси – это довольно забавное зрелище. Для любителей животных – это верх нравственного опущения, для индусов и мусульман – норма жизни. Рынок уже тысячу лет не меняет своего месторасположения, он находится между мусульманским и индийским кварталами, и на его мостовые были вылиты тысячи литров куриной и козьей крови. Столько крови не могли видеть все могилы, вместе взятые.

Ритуальное чучело

Взвешивают куриц живьем, то есть с головой, потрохами и перьями, сами курицы выглядят ужасно – маленькие, сухонькие, с исклеванной в кровь кожей. Пара живых целых куриц весит чуть более килограмма. Их виртуозно разделяют, но даже ярые мясоеды могли бы при этом превратиться в вегетарианцев.

Ловко схватив курицу, продавец вставляет между пальцами ног нож, другой ногой зажимает куриные лапы и обеими руками берется за тельце и голову, вытягивая птице шею. Медленно, не до конца режет горло, чтобы затем наклонить шею и дать вытечь крови. Еще с живой твари, быстрым движением рук снимает чулком кожу вместе с перьями, одновременно отрывая голову, после чего насаживает курицу брюхом на нож, приподнимет ее и запускает свободную руку во внутрь. Через секунду в его руке оказываются потроха, которые он отшвыривает себе за спину, в гниющее месиво и отрубает обе лапы, которые, отлетев, все еще двигаются, словно стараясь отбежать подальше от мясника.

Таким образом, мы, буквально за минуту стали счастливыми обладателями розового, теплого, шевелящегося тельца. К этому необходимо прибавить, что происходит все это на тесной маленькой улочке, заставленной клетками, туго набитыми сотнями живых птиц. Вокруг стоят лавки с подвешенными на крюках кусками козлятины. Мясные туши засижены плотным слоем насекомых, которых здесь не меньше, чем самого мяса. Прибавьте к этому кучи гниющих потрохов, куриной кожи и лужи крови, которую никто никогда не убирает, соответствующие запахи, и вы получите настоящую картину мясного ряда в Варанаси.

Дома Арсений недоверчиво присматривается к остывшим куриным тельцам и грустно смотрит на меня. Так и есть, просит выдержать их в воде с марганцовкой. Ужасная мысль, но если этого не сделать, мой друг потеряет аппетит на неделю. Нет ничего хуже вареной фиолетовой курицы. Вообще Арсений подозрителен к любой еде, самая безопасная пища для него – это чипсы, шоколадка «Кит Кэт» в двойной обертке и бананы. На все остальное он смотрит глазами старой овчарки. Вчера, когда я купил свежего винограда, он, улучив момент, прокипятил его в кастрюле – «для дезинфекции», как он объяснил позже. Обваренный, теплый виноград – редкостная дрянь. И уж поскольку я вынужден постоянно соглашаться на такие изуверские действия в отношении к продуктам, то ежедневно позволяю себе всяческие глумления над Арсением – рассказываю о симптомах *амебиоза*²⁵ и тифа, объясняю, почему инкубационный период лепры достигает трех лет, перечисляю безвредные бактерии, которые могут оказаться на столике в нашей забегаловке и прочее...

* * *

Самая страшная болезнь современности – это бесконечная суета. Она пронизывает человека насквозь, и ею без сомнения страдает каждый, кто живет в большом городе. В Индии это заболевание отсутствует, поэтому здесь легче найти путь к душевному равновесию. Со мной творилось нечто подобное, сейчас я нахожусь на финальной стадии этого нелегкого процесса. Уже несколько дней чувствую себя прекрасно, в голову не лезут недобрые мысли, и вообще очень странно вспоминать о минувшей депрессии, из которой, казалось, не будет выхода. Вдруг все прошло само собой, и я почувствовал себя новорожденным. Меня больше не мучают тоска, одиночество и чувство опустошенности. Из состояния тотальной хандры я попал в состояние полной эйфории. В основном это связано с окончательным освобождением от суеты, как в физическом, так и в духовном смысле.

Это потрясающее ощущение. Ради этого я сюда приехал и только сейчас стал это понимать. Этот сложный душевный экзамен я выдержал стойко, не сбежав туда, где бы я чувствовал

²⁵ Амебиоз – тяжелое заболевание, вызываемое одноклеточным организмом – дизентерийной амёбой.

себя в своей тарелке, или где я мог бы отвлечься от самого себя. Я понял, что главное в момент такой внутренней борьбы и дискомфорта – не слинять из места, где с тобой все это происходит. Тогда рано или поздно все пройдет, и ты почувствуешь себя обновленным и внутренне свободным, а уж потом будет решительно все равно, где находишься и на что смотришь. Для достижения такого состояния необходимо быть выдернутым из всего знакомого и находиться как можно дальше от привычных норм и правил.

Все вещи, события и мысли имеют две стороны, и обратная сторона, считающаяся темной, на самом деле светлая. В каждом переживании, в каждом страдании открывается что-то новое, но понять и увидеть это невозможно, не пройдя через них. Все многообразие мира есть в каждой его детали. *«Камень когда-то станет землей, из нее может вырасти цветок или родиться зверь или даже человек, значит, каждый предмет достоин любви и внимания»*²⁶.

Выйдя из дому часа два назад, мы попали под настоящий ливень – этот факт непременно требует отображения в цепи событий. За какие-то доли секунды, пока я сидел в интернет-кафе, отправляя письмо на заснеженную родину, хвастаясь тем, что у нас тут парилка и светит солнце, по кафе разнеслись радостные крики, на лицах туриков изобразилось неподдельное удивление. Взглянув в окно, я и сам на секунду опешил от неординарного зрелища. Весь маленький рынок напротив моментально опустел, фрукты, овощи, разложенные в корзинах на земле, были прикрыты кусками грязных тряпок и полиэтилена. Продавцы исчезли, запоздалые велосипедисты ускорили темп, а взъерошенные мартышки, скользя по карнизам и крышам домов, в ужасе шарахались от искрящихся проводов и вспышек молний. Небо вмиг затянулось темно-коричневыми тучами, дождь хлестал, как из прорванной трубы. Мгновенно образовавшиеся лужи превратились в грохочущие потоки, которые на своем пути подхватывали все дерьмо, месяцами налипающее на каменные плиты, и несли его по извилистым узким улочкам. Перед тем как отправиться из кафе домой, мне пришлось исправить письмо, признавшись, что у нас «почти» все время солнце.

Шквальные порывы вскоре утихли, дождь почти перестал, с улицы веет свежестью и пахнет мокрым камнем. Стало прохладней, и сидеть дома возле распахнутых деревянных ставень – одно удовольствие. Сквозь бутылку воды, как через линзу, просвечивают печатные строчки листка, выпавшего из книги Тагора.

Я все время читаю, а Кашкет, похоже, решил стать писателем. Целыми днями и даже ночами он строчит что-то сразу в нескольких тетрадах. Стал читать мне свое произведение. Читает мой друг не ахти как, но в этот момент, чувствую, что вершится, так сказать, история. Порой мне представляется, что он, восходящая звезда новой русской литературы, я даже сделал несколько рисунков Кашкета за работой, чтобы потом, если вдруг, ослепленный славой, он начнет зазнаваться, предоставить вещественные доказательства моего присутствия.

* * *

Последние дни в Варанаси были похожи друг на друга и отличались от предыдущих только тем, что мы очень серьезно принялись за экономию, умудряясь жить на пятьдесят рупий в день. Экономия и умеренное питание придавали жизни в Бенаресе ощущение размеренности, аскетизма и оптимистичного фатализма.

Поезд уходил ранним утром. Из дома вышли в два ночи, дружелюбно распрощавшись с Манглой – домоправительницей, чрезвычайно любезной женщиной, ни слова не знающей по-английски, но в последнее время занявшейся исправлением этого недостатка. Воспользовав-

²⁶ Цит. Р. Тагора.

шись тем, что в доме кроме нас никого не было, Мангла обожралась красной жижи (*бетелем*²⁷) и, найдя в комнате пупырчатый пакет, принялась им щелкать, радуясь как ребенок. Сегодня она выучила новое слово «finish», и теперь все время его повторяла, не переставая хохотать, обнажая красные зубы. Все у нее было «finish».

²⁷ *Бетель* (или паан) – жевательная смесь, возбуждающая нервную систему, из листьев перца бетель, орехов арековой пальмы и извести. При жевании бетеля происходит обильное выделение слюны, которая, как и полость рта, язык, десны, окрашивается в красный цвет; слюна выплевывается и оставляет как бы кровавые следы.

Крикет на гатах

Мангла еще немного постояла в проеме дверей, заслоня собой фигурку Ганеши в прихожей, и вскоре скрылась из виду. На улицах ни души, полная темень и тишина, которую изредка нарушает лай собак и неугомонные крики обезьян. Иногда из темноты доносится чей-то кашель или отрывок, где-то в закоулке шуршит одеяло – вот и все, что можно услышать ночью на Бигали Тола. Стоило приблизиться к площади Гадолии, как стоящие вдоль улицы повозки зашевелились, и самый шустрый рикша, смотав свое одеяло, подбежал к нам. Вскремы были на вокзале Варанаси среди спящих индусов, лежащих вповалку прямо на платформе. Кроме пачки сигарет и бидис ничего не покупаем, в кармане несколько сотен рупий – деньги на автобус и дорогу. Стрелка часов приближается к четырем, но поезд не объявляют. Арсений идет к справочной, чтобы узнать, на какой путь должен прибыть поезд до Пуны. Над окошком справочной висит многообещающая надпись «*Can we help you?*»²⁸. На вопрос, когда все-таки будет поезд номер 1034, честно отвечают, что не знают. Ровно в четыре из громкоговорителей объявляют, что поезд задерживается до восьми часов.

На улице становиться прохладней, хочется спать. Стоять среди толпы любопытных зевак надоело. Я покупаю газеты, мы раскладываем их на ступенях лестницы моста, перекинутого через железнодорожное полотно, и усаживаемся. Первым, сторбившись, засыпает Арсений, я сижу рядом, курю. Через несколько минут подходят два поезда, и по лестнице бежит толпа пассажиров и носильщиков. Меня чуть не сшибают чемоданом, я вскакиваю, прикрывая Арсения, который, несмотря на шум и гам, а иногда и тычки чемоданами и сумками, не просыпается – симулянт, все это время жаловался на нездоровый, чуткий сон. Носильщики тащат на себе по пять, шесть чемоданов. Балансируя пирамидами багажа, они носятся как угорелые, с невероятной скоростью.

²⁸ «Мы можем помочь?».

Завидев клиентов, подбегает мальчишка лет шести – продавец палочек, которыми чистят зубы. Все вокруг уже мусолят ими свои десны, отплевываясь шелухой на платформу. Мальчишка переключается на меня, я объясняю, что мне эти огромные зубочистки не нужны. Он очень удивляется, но не отходит.

Мимо спящего в позе «мыслителя» Арсения проползает хромая мамаша, волоча за собой маленькую девочку. Обе в лохмотьях, почти голые, с запутанными, слипшимися волосами. Девочка, похожая на старушку-карлика, не поспевая за матерью, хватается за перила, а, проходя мимо Арсения, хватается и за его плечо, потом за голову, спотыкается, падает. Если бы мой друг бодрствовал, то отпрянул бы от них как ошпаренный, а потом жаловался бы на аритмию и требовал немедленной дезинфекции.

Периодически к нам подходят мальчишки – продавцы газет. Зачем мне газета на хинди!? Подбегают попрошайки, подползают калеки и беззубые старухи, все просят милостыню, несколько рупий или пайсов. Стоят, смотрят, показывают на рот, трогают руками ноги, прикладывая руки ко лбу, тычут пальцем в свой ввалившийся живот, язвенные раны или культы, робко одергивают за одежду, если мы отводим глаза. Денег не даем, знаем, чем это закончится – счастливый бедняк убежит с мелочью в кулаке, а на его место прибежит еще с десяток, которые будут вести себя гораздо настырнее.

Очередное объявление о нашем поезде повторяют, как и положено три раза на английском и три раза на хинди: «Поезд номер 1034 будет в девять утра». Сейчас половина восьмого. Мы замерзли, хотим спать и есть, а потому жестоко ругаем всю железную дорогу Индии, ее работников, машинистов и вообще всех, включая себя, за то, что не спали ночью и так спешили на вокзал.

Уже вовсю светит солнце, Арсений перемещается на вокзальную площадь, там теплее и есть стулья. Не успел я устроиться на одном из них, как до нас долетает очередное объявление: «Поезд номер 1034 задерживается до одиннадцати утра». Как поезд, идущий из Дели в Варанаси тринадцать часов, может опаздывать на восемь – непонятно.

Шатаясь туда-сюда по вокзалу, Арсению посчастливилось обнаружить некое помещение – зал ожидания для иностранных туристов! Бог сжалился над нами, и мы перебираемся туда... О небо! в эту комнатку не пускают индусов, тут нет толпы зевак и попрошаек. Третью часть пространства занимает мягкий диван, а на стене шепчет прохладой кондиционер. Комната ожидания для туристов – это другой мир.

Играем в шахматы и урезаем паек на два банана и тройку яиц. Звучит сообщение: «Поезд задерживается не до одиннадцати, а до двух часов дня». Думаем, не сдать ли нам билеты к чертовой матери, и не отправиться ли на ближайшем поезде до Бомбея. Дергаться, однако, не стоит, не та это страна, чтобы нервничать и следовать задуманным планам. К тому же сегодня пятница, тринадцатое, а в Индии верится в суеверия и совпадения гораздо легче, чем где бы то ни было.

В час дня решаем выяснить, не будет ли очередного опоздания. Арсений вернулся крайне удивленным и сообщил, что поезд наш стоит на седьмом пути. О задержке поезда сообщали по несколько раз, но о том, что он прибыл, никто даже не шепнул. Таинственный поезд! Он опаздывает ровно на столько времени, сколько требуется ему на весь путь, о нем никто не знает, о его прибытии даже не объявляют. Бежим к перрону, ищем вагон и залезаем на боковые полки.

Проснувшись, иду покурить в тамбур, сажусь на железный ящик и гляжу в открытую дверь. Мимо несутся пейзажи «Великой равнины» – красная выжженная солнцем земля с редкими маленькими кривыми деревьями. Вдалеке одиноко стоит большое дерево, все оно усеяно птицами, из идущего поезда не видно, как они выглядят, но их ярко-белое оперение поражает в контрасте с выцветшим небом. Дерево будто накрыто шапкой снега посреди красной пустыни.

Вдоль полотна идет грунтовая дорога, она поворачивает и удаляется перпендикулярно железнодорожным путям к полю, за которым видны только невысокие пустые холмы и голая

степь. У обочины на корточках, уперев локти в колени, сидит мальчишка. На другой стороне, словно зеркальное отражение, точно так же, склонив голову, сидит еще один. Кажется, что они сидят так очень давно, сидят молча, глядя друг на друга. Чего они ждут на дороге, по которой за целый день вряд ли кто пройдет?

Гоа

«Лежа на берегу моря в такую чудесную погоду, достаточно сознания того, что ты существуешь».

Фаулз. «Волхв»

«Воздержание – это первая ступень на пути к нравственности».

Сенека

– Братец, ты когда-нибудь такое видел?

– Нет. Никогда, – признался Арсений. – Смотри, как быстро солнце заходит. На грейпфрут похоже, а в Варанаси было похоже на апельсин.

– Солнце похоже на солнце, а все остальное на рекламу крема от загара. Ладно, давай выпьем.

– Эх, Кашкет, Кашкет – ты материалист и скептик!

Мы отхлебнули по глотку рома из бутылки.

– Господи! До чего приятный напиток! Мне осточертел виски «McDowell's» и твой джин. Я не материалист, а заглубевший романтик и фаталист. И, вообще, нельзя клеймить друга такими вульгарными клише, я же не называю тебя мнительным нытиком.

– Я не нытик, – обиделся Арсений и, подумав, добавил, – и я не мнительный!

– Да черт с тобой! – ответил я. – Давай за твой грейпфрут!

Опускаясь к горизонту, солнце становится розовым, ветер шелестит листьями пальм, шумит океан, выбрасывая на песок мелких крабов, которые сразу спешат обратно.

Когда солнечный диск скрылся в океане, Арсений беспомощно растянулся на песке, а я, завидев рыбаков у лодок, отправился к ним.

Трудно было себе представить, что шестьдесят два часа восемнадцать минут назад мы прыгнули в вагон, добрались до Пуны, а потом бились головой о потолок рейсового автобуса, и мыкались по Панаджи, изнывая от жары. И все то прекрасное и заманчивое, что нас сейчас окружало, не могло влить ни сил, ни эмоций. Мы безумно устали и словно впали в подобие анабиоза.

Просыпаемся в полном беспмятстве относительно вчерашнего вечера, за исключением заката – это последнее, что помним – красное солнце, падающее в океан. Я где-то оставил свои шлепанцы, Арсений вернулся в одной сандалиии, утеряна сумка с ромом, сигаретами, фризби и, главное, ключами от мопедов, на которых прокатились всего один раз. На кой черт он взял их с собой?

Напрягаю память... Дошел до лодок.... их было много... Возле одной остановился... рядом никого не было... я решил дожидаться рыбаков в лодке, перелез через борт и... мгновенно уснул. Было холодно, и я накрылся сетями, в которых запутался, чуть не оторвав мизинец на ноге – точно, вот он, красный и опухший! Почему никто не взял сумку?

Грейпфрут

Бежим к берегу – ни сумки, ни бутылки рома, зато неподалеку валяются мои шлепанцы, в роше нашли сандалию Арсения.

Опечаленные, мы побрели в сторону дома и наткнулись на рыбаков, которые молча протянули нам знакомую сумку со всем содержимым. Радость чередуется восхищением перед добродетельностью местных рыбаков. Арсений несколько меняет свое скептическое отношение к туземцам.

* * *

Океан, пляж, завтрак из папайи и бананов – хорошее утро.

В целях экономии решили готовить сами. Я был не совсем согласен с тезисом Арсения: «С едой можно не париться, раз есть бананы и алкоголь!», и выпросил у Мануэля – хозяина бунгало, горелку. Мануэль – худосочный туземец с кривыми ногами, не говорит по-английски, ходит в дранной майке-алкашке, гоняет у нас под окнами стаю мелких черных свиней, варит *feni*²⁹ и сам его пьет.

На примусе, как известно, можно приготовить все, что угодно, оставалось дело за посудой. Алюминиевые кастрюли, ложки и тарелки продают на килограммы. Купили два килограмма посуды.

На рынке, где продают всякую морскую живность, обложенную льдом, мы купили мидий. На вопрос «почем мидии?», старушка индуска ткнула кривым пальцем в кучку, прошепелявив: «двадцать рупий», и отвлеклась на другого покупателя. Тут я схитрил, быстро вынув еще штук десять мидий из стоящего рядом таза, доложил их в кучку, сказав: «Берем!». Старушка, не взглянув на выросшую пирамидку, ловко сложила ее в кулек. Правда, дома обнаружилось, что содержимого всех ракушек хватило всего на две столовые ложки.

Мануэль не соврал и все-таки притащил керосинку. Увидев это замасленное и черное от копоти устройство с ручным насосом для нагнетания керосина, уж очень простое для применения, я растерялся и сказал Арсению:

– Я это поджигать не буду – боюсь, спалим бунгало, если не всю рощу с Арамболем.

– Я буду. Все просто! – бодро сказал Арсений. – С тебя готовка рагу!

Когда я зашел внутрь бунгало, то услышал сначала, как Арсений чиркает зажигалкой и дергает ручку нагнетателя, а потом что-то похожее на хлопок и громкое, протяжное матерное слово. Я выбежал.

Горелка, вместе с кастрюлей и мидиями, полыхала как вечный огонь в Александровском саду, а крыша веранды, выложенная пальмовыми листьями, чернела и готова была вспыхнуть.

– Туши, идиот! – крикнул я.

– Сам идиот! – крикнул Арсений, но все-таки схватился за бутылку с водой... Я хотел остановить его, но было поздно – Арсений плеснул водой на горелку, и пламя мгновенно увеличилось до размеров пизанской башни, обдав меня жаркой волной и шипящими брызгами. Арсений выкрикнул что-то нечленораздельное, взвизгнул и схватился за свои шорты, которые сушились на веревке, но тут, слава Шиве! прибежал Мануэль и еще полдеревни.

После ужина, состоявшего в основном из горелых мидий, уселись за шахматы, попивая фени. Окончив партию, Арсений невозмутимо прилип к матрасу и принялся то ли за книгу, то ли за дневник, а я отправился на пляж ловить крабов.

Со стороны, должно быть, я выглядел полным придурком. Поначалу я носился за мелкими крабиками, высвечивая линию прибора лучом фонаря. Главное – не выпустить краба из пучка света. Бегают они очень быстро и ловко. За час я поймал всего восемь штук. Потом принялся за норы в песке – там крабы оказались крупнее, примерно с кулак. Надо признать, что закапываются они также ловко, как и бегают. К трем часам ночи в сумке копошилось двенадцать штук беспозвоночных, четверо из которых были приличных для позднего ужина размеров, но как только я разжег костер и открыл сумку, все они ринулись наутек, и большей части удалось скрыться, остальных я безжалостно съел.

²⁹ *Feni* (фэни) – южноиндийский самогон из кокосового молока или орехов кешью.

* * *

Сейчас около двенадцати ночи. Кашкет, изрядно глотнув местного *fení*, который нам любезно впарил Мануэль, отправился на пляж проситься к рыбакам в лодку – видимо, он еще не оставил идею отправиться с ними в море.

Спать не хочется, и я валяюсь на матрасе посреди нашей хибары, наблюдая за ночной жизнью насекомых. Жук, напоминающий большого таракана, благополучно миновал мой матрас, зарылся в кучку песка в углу; крупный ночной мотылек приклеился к синей стене возле лампочки. Комары и мошки были отравлены зеленой спиралью, купленной еще в Варанаси, а теперь курящейся на полу.

Заверещал сверчок, прерываемый мелодией «Cake».

Особенных событий не произошло, если не считать проблемы с керосиновым примусом, когда мы чуть не спалили дом, и того что, возвращаясь с рынка, я, по-моему, задавил кота...

Утром сидя в кафешке на пляже, попивая невкусный *lassi*³⁰ и докуривая косяк, наблюдали за двумя престарелыми *пétусами*³¹. Один был в красных стрингах, другой, сухой как Iggi Pop, с выцветшей татушкой на плече! Они, как дети, бегали по песку и играли в пляжный теннис. Тот, что в стрингах, после каждого удачного удара хлопал ракеткой по попе, а Iggi повиливал ею в разные стороны.

Допив *lassi*, отправились к пресному озеру за горой. Озеро! Слишком громко сказано – оно оказалось небольшим заливчиком, похожим на те, что остаются после схода большой воды или отлива. Там уже барахталось сверху попой несколько нудистов, и нам пришлось покинуть сей райский оазис и вернуться домой.

Последнее время мы озадачены поиском нового жилья и попыткой сбыть наши мопеды в обмен на более новые и дешевые – звучит утопически, но мы не теряем надежды!

Вернулся Кашкет, рассказал, что рыбаков опять не нашел, зато встретил каких-то нариков с бутылкой воды, блуждавших по пальмовой роще в поисках party. Взял мою красную сумку, перебрал через плечо и снова ушел, сказал: «Гулять».

От деревянного стола падает забавная тень на синюю стену, ломаясь при переходе на пол. Тишина! Покой!

Между верхушками пальм таращатся звезды. Все вокруг, кажется, уже дрыхнут, однако мне спать не хочется. Пожалуй, я так могу еще сто страниц исписать всякой ерундой, вот меня прервал муравей, заползающий под страницу – извлекаю мерзавца – ать!

Выходил покурить, вернулся – на подушке сидит сколопендра, одновременно смахивающая на муравья и гигантского таракана, величиной чуть больше спичечного коробка. Воевал с ней минут десять, сначала думал взять в плен, но в итоге казнил, причем на прощанье она издала такой пронзительный писк, из-за чего все это запахло убийством. Еще эта дрянь долго не хотела погибать, пришлось давить изо всех сил пластиковой бутылкой! Теперь будет мне снится.

Надо заканчивать эти ночные посиделки, гасить свет, а то набьется сюда всякой нечисти – выкуривай их потом всю ночь!

У Кашкета, правда, свое оружие – уговорил бутылку *fení* перед сном, а потом хоть тараканы бега у него на лице устраивай – все равно не проснется.

Продолжаю сидеть на веранде. В темноте трещат сверчки, из дома плывут звуки «Blur», прошел какой-то мужик с фонарем, запах керосина все еще напоминает о сегодняшней аварии, под скамейкой клан муравьев дожирал трупик убитой мною твари, скоро от нее и следа не

³⁰ *Lassi* (ласси) – кисломолочный напиток на основе курда.

³¹ *Петус* (жарг.) – гомосексуалист.

останется. Еще один пострадавший – летающий таракан – с третьей попытки был прихлопнут моим кожаным шлепанцем.

За картонными коробками, из под пива «Bello-Goa», раздаются слепые тычки – чую, предстоит очередная схватка. Что-то затрещало в кустах – не пойму, что?! За коробками явно затаился кто-то покрупней казенной сколопендры, звуки довольно громкие. Мимо веранды, похрюкивая, проходит свинья. Неоновый фонарь освещает снизу часть пальмовой кроны, макушка ее утопает в темноте ночного неба. Все вокруг тихо за исключением местной фауны. Звуков стало больше и, кажется, настало время перебираться внутрь бунгало, где, наверняка, придется опять лишиться жизни какую-нибудь букашку.

Эх, а спать все не хочется! Черт, это Кашкет, похоже, заразил меня своей трезвой нетрезвостью, а сам учесал куда-то.

Эге! Залаяли собаки – кто-то идет. Пустота! Курить охота, а сигарет нет.

Напряжение растет! Хочется уж написать: «Вот и Кашкет», а этого оболтуса все нет! Где, интересно, он шляется темной ночью в прибрежной индийской деревушке?

Лодки

Резко перестала летать всякая ночная тварь!

Пойду, поищу сигарету... выкурю, пожалуй, одну «беломорину» из пачки, припасенной для дела! Мммм-дааа, «Беломорканал, Петербург 105» гласит отрадная надпись на мундштуке! А что? – не хуже местного курева, надо заметить!

Да где ж он шляется?!

Кстати, тут, напротив нас, живет дед – забавный персонаж, я вам скажу. Дымит гашиш без остановки. Я с утра еще и глаз не продрал, выхожу на веранду чистить зубы, а он уже во всеоружии – с косяком и газетой сидит у себя на веранде в красном пластиковом кресле. Так и проводит целый день, ни с кем не разговаривает, правда, никто у него ничего и не спрашивает. Он только наклоняет голову в знак приветствия, когда с ним здороваешься. Был тут у него один друбан – молодой израильтянин. Они одно время вместе так сидели, да вчера он съехал. Внешне дед смахивает на Сократа, на вид ему можно дать лет семьдесят с копейками.

Вот мимо проехал на мотоцикле незнакомый белый в оранжевой майке. Дверной косяк снова облеплен парой экземпляров местной нечисти, «беломор» потух, «Blug» играет, спать неохота, Кашкета все нет.

Тишина.

Пожалуй, глотну остатки feni... Самогонный вкус и запах заставляют поморщиться... бе...

На коробке из под пива «Bello-Goa» изображены девушка-островитянка в цветастой юбке и усатый мужик с гитарой в руках, похожий на господина Леонсио из древнего сериала «Рабыня Изаура». Позади них океан с оранжевым солнцем, два черных силуэта пальм и край одноэтажного домика с торчащей скалой. Довольно правдоподобный штамп, иллюстрирующий местный колорит.

Здорово, я вам скажу, сидеть теплой ночью, попивая местный алкоголь, под доносящийся шум океана, в шортах и майке, уложив загорелые ноги на перила веранды, – чувствуешь себя плантатором, и уж точно матерым путешественником. Сознание рисует долгие дни такой жизни, и это наполняет все внутри беспечностью и спокойствием.

Сейчас я совершенно не могу представить себя в Москве, в городской обстановке. Далекими кажутся даже те дни в Дели и Варанаси. Но, несмотря на все преимущества местной жизни, я уже скучаю по этому удивительному месту – Бенаресу!

Заиграл Bob, стало еще тише и блаженней. «Comin-in, comin-in-comin-in from the cold... la la la...» Еще одна папироса напросилась на кремирование.

«5 рупий скидка», – написано на семилитровой бутылке питьевой воды.

«Pimper's paradise... la la la...»

Bob the best!!! Нахлынули воспоминания о деревне. Наверное, потому, что так прекрасно мне бывает только там. Вообще, я бы легко променял все это на родной покосившийся дом в заброшенной костромской деревушке. Конечно, здесь все ощущения другие, нежели в деревне, но, в общем, истоки их те же! Интересно будет махнуть в деревню после Индии – такой контраст и вместе с тем нечто общее! Наверное, некоторые вещи в деревне, на которые я прежде смотрел вскользь, будут чувствоваться сильнее после Индии.

Интересно, какой канал TV сейчас смотрит Митяй?!

Утро

Индия!!!

Замечательная страна!!! Она действительно способна изменить взгляд на мир, кем бы ты ни был. Забавно, но здесь ощущаешь себя далеко в истории.

Кашкет, должно быть, и вправду уплыл в ночь с рыбаками, – вернется без креветок – уши надеру!

Ого, крысы! Штуки три пробежали по балке под потолком и скрылись в стропилах крыши.

Зеваю – хороший знак, может, пора!? Посижу еще чуток. Стрекотание сверчка слилось с отдаленным звуком мопеда, истошно залаяли собаки, – должно быть, Кашкет!

Глупые твари – брешут понапрасну!

«Tu tu tu... could you be lo-o-ved... па па па...».

Ну все, last belomor и спать.

* * *

В четыре утра я добрался до бунгало и рухнул спать. Напротив, попахивая жженым керосином, похрапывал Арсений.

Вечером следующего дня он не стал связываться с новой горелкой и мучиться бессонницей, а, глотнув feni, вместе со мной отправился на «Crab Hunting», вооружившись фонарем и фризби – дабы метким броском накрывать самых шустрых из крабов. Арсений соорудил некое подобие остроги, привязав нож к палке. Ловля началась успешно, правда, оружие Арсений использовал не совсем по назначению, он просто бегал по пляжу с фонарем и долбил каждого замеченного краба тупым концом палки, превратив острогу в дубинку. От удара крабы смирились и затихали, но чаще разлетались на составляющие – лапки, клешни, панцирь. Когда Арсений увлекался, бешено колотя по песку своей дубинкой, мне приходилось убегать или отпрыгивать от него.

* * *

Не знаю, во сколько встал мой друг, я проснулся позже него, но когда я добрался до пляжа, Арсений уже принял на себя изрядную дозу ультрафиолета и стал розово-красным.

Устроившись в тени от лодки, достали шахматы и принялись лениво переставлять фигуры. Рядом никого не было, только изредка подходили тощие мальчуганы с охапкой всяких тряпок на голове, но мы тут же их отшивали.

– Посмотри, Кашкет! – шепнул Арсений. – Ишь, искусительница!

Мимо, вдоль кромки прибоя, пробежала миловидная девушка в одних лишь стрингах.

– М-да, сволочь! – сказал я. – Видит же, люди, изнуренные половым воздержанием! Ведь специально бегают тут, каналья!

– Думаешь? – спросил Арсений. – А откуда ей знать про наше половое воздержание?

– А ты оглядись! Вокруг нас что, гарем? И кто б, отдыхая с девками, стал бы играть в шахматы, лежа в драных шортах, с таким унылым видом, как у тебя. Мы даже на педиков не похожи...

– Да, наверное, так – согласился Арсений. – Никогда не понимал женщин! а ты?

– Я во всем все понимаю, – убедительно ответил я, – более или менее...

Арсений задумался, провожая жадным взглядом бегунью, я невольно присоединился к этому зрелищу.

– Кашкет, как думаешь, а чего они хотят?

– В смысле?

– В смысле, вообще, чего женщины хотят? Вот она, например? – спросил Арсений, кивнув в сторону удаляющихся стрингов.

– Не могу сказать, ибо женщины сами того не ведают...

– Ну, нет! Знают. Есть же меркантильные сучки всякие. Полным полно. Они уж знают, чего хотят! – возмутился Арсений.

– Если так, дружище, то меркантильная сучка, фифа московская – это не женщина, а образ жизни и глубокое заблуждение. Род заболевания, типа клептомании! – сказал я... – В общем-то, нормальная женщина хочет только семью, детей, спокойствия, еще красивую свадьбу, зависть родственников и подруг, любовь до гроба и смерть с суженым в один день. Ну, иногда, мечтает о паре любовников-поклонников. И крепких тылов – в смысле денег, конечно.

– Да ладно, так банально? Не верю! – запротестовал Арсений.

– Так! Только так никогда не получается.

– Почему?

– Потому что правда жизни!

– Слушай, а наши подруги нас дождутся? – вдруг спросил Арсений.

– Меня точно никто не ждет, – не задумываясь, ответил я. – Вокруг женщин пустого места не бывает. Думаю, тебя тоже никто не ждет.

– Черт, настроение испортил! – сказал Арсений, – Кашкет, ну вот почему эти нежные создания, о которых мы все время думаем, оказываются такими вероломными?

Я перевернулся на спину, закрыл глаза и начал разглагольствовать:

– Насчет «нежных», братец, у меня сильные сомнения, а по поводу вероломства – это, наверное, что-то вроде врожденной привычки.

– Это что, опять правда жизни? Предательская действительность или капризы природы?!

– И то, и другое. Ну вот, если например женщина ошибается, и мужчина также ошибается, и говорит, что дважды два пять, то женщина ошибется по-другому, и скажет, что дважды два не пять, ни шесть, а блин на постном масле... Одним словом, выходит либо гадость, либо радость, но всегда нечаянно и всегда некстати. В любом случае, понять, а тем более объяснить их поступки мы никак не сможем.

Арсений громко вздохнул.

– Да, с этим точно не поспоришь! Ну, вот чего я понять не могу, так это, к примеру: живет с тобой подруга; говорит тебе каждый день, что любит, а в один прекрасный момент – раз, и нет ее! Они что, совсем ничего близко к сердцу не принимают, или врут так ловко? У них, что, совсем ничего святого не осталось, кроме своих меркантильных интересов? Просто диву даешься, насколько эти девки бывают меркантильны: они ж с одинаковой увлеченностью говорят про любовь и трещат про шмотки!!!

Я повернулся к Арсению и заулыбался:

– М-да, животрепещущий вопрос задел, судя по всему. Чего далеко ходить – и с тобой подруга жила, да ушла...

Арсений не стал дальше слушать и перебил:

– Слушай, мне кажется есть женщины, относящиеся к людям, как к вещам каким-то, не хотел бы на такую нарваться.

– Ну, не только женщины такие бывают. К тому же у тебя восемь из десяти шансов на такую глаз положить, а там пошло-поехало, не успел оглянуться – опять один; с депрессией, апатией и желанием смыться подальше. Однако и это проходит.

– Что, желание смыться подальше?

– Нет, депрессия проходит!

– Да все проходит! Жизнь, блин, проходит, нам уж скоро тридцатник, а мы все в иллюзиях и мечтах! Вот у них все совсем иначе, сидит сейчас какая-нибудь фифа в Москве да рот не закрывает. А послушать только, о чем она толкует; про шмотки, про деньги, про свои крашенные ногти, про свой телефон, про всякую чепуху, про себя. Живет, ничего кроме себя не видит, да еще с претензией на любовь! А какой-нибудь прекрасный юноша в нее влюблен и ночей не спит, чтоб потом с ним сыграли злую шутку! А мужики всё верят в сказки – я верю.

– Эге, Арсений! Молодец – верь. Я б тоже верить хотел, вот только не получается. Проблема в том, что мне и с женщиной хорошо, и без нее, то есть, другими словами и так плохо, и

сяк плохо. Как всякая дилемма в жизни – ничего путного не придумаешь. А если так дальше рассуждать, то выйдет, что и все мужики, по определению – «козлы», а бабы – «суки». Значит, надо искать исключения, потому что я, например, себя за «козла» точно не держу.

– А какой козел держит?!!!

– Идиот! Чтоб тебе самая меркантильная фифа в душу запала. Чтоб ты с ней каждый четверг в *Миксе «кислую»* щелкал!³²

– Ща подеремся!!!

– Во! Вишь, че бабы с мужиками творят!

– Смотри, она опять бежит! Загорелые... части....тела....Нельзя так издеваться!

– Мне папа говорил: «Никогда не бегай за троллейбусами и за женщинами – все равно не догонишь», а мама, что «жизнь одна, а женщин много». Пусть бежит!

Вечером, сидя на веранде нашего бунгало и допивая остатки фени, Арсений признался:

– У меня сейчас такой период, много о них думаю.

– А когда у тебя такого периода не было?

– Когда я не лежу, блин, в драных портках под пальмой с тремя месяцами одиночества в запасе.

– Действительно, еще три месяца, я даже не сообразил сразу. Черт, еще три месяца? Неправдоподобно звучит... что делать будем?

– Есть два варианта, – с готовностью ответил Арсений, – запереться в ванной наедине с собой или найти свободную женщину, способную понять комбинацию слов «взаимовыгодные условия»!

– Рукоблудство – позор! Есть третий вариант – воздержание! Звучит уныло, конечно, но как найти «понимающую» и готовую на «взаимовыгодные условия», я тоже не представляю. У тебя же нет словаря иврита в кармане или *Энфилда* с хромированным рулем у фазенды?

– Что-то ты не оставил им большого выбора, может, и на *Pulsar*³³ клюнут? Разговорник мне не нужен: Sex – international language. И вообще, гораздо приятней не знать, о чем они говорят!

– Ага, только надо не слушать, а самому лапшу на уши вешать! Или ты на языке жестов будешь свои потребности изъяснять. Таким методом на тебя только упитанная нимфоманка клюнет, и то после очередного фалафеля!³⁴

– Че ты пристал к израильтянам!? Ну фалафели, ну с картошкой – люди-то хорошие, веселые. Потом, зачем объяснять такие жесты – все и так ясно: мужчину тянет к женщине, и наоборот, – Арсений пригубил вонючий feni и продолжил, – чувствуешь, здесь все пропитано запахом любви, он разноситься на многие километры вокруг, им пропитаны листья этих пальм и шторы этих окон!!!

³² «Микс» – ночной клуб в Москве. «Кислая» – Lsd.

³³ *Royal Enfield; Honda Pulsar* – марки мотоциклов.

³⁴ *Фалафель* – арабское блюдо из бобовых, приправленное пряностями. Ни одно меню в гоанском кафе невозможно представить без фалафеля – это самая популярная закуска у израильтян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.